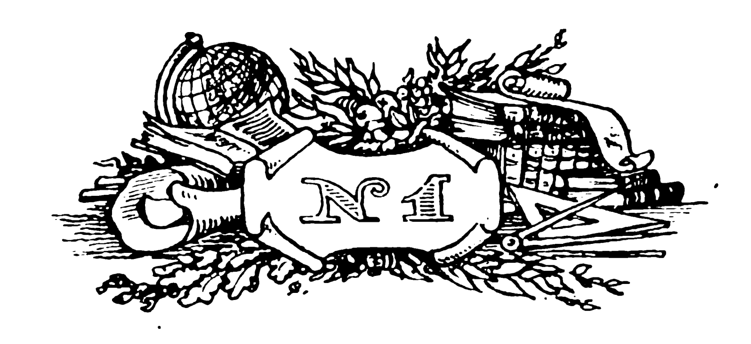

ВЕСТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

МОСКВА

1922.

Обложка работы художника
В. Д. Фалилеева.

ВЕСТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Ежемесячный обще-педагогический журнал.

Издается Отделом Народного Образования Московского Совета Раб., Кр. и Красн. Деп.

№ 1.
Январь 1922 г.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Москва, Леонтьевский пер., 19, комн. 11. Тел. 5-11-47.

Редактор принимает по вторникам и четвергам от 2 до 4 ч. дня.

Присылаемые рукописи должны быть четко написаны на одной стороне листа и снабжены подписью и адресом автора. Возвращение неиспользованных рукописей не обязательно.

СОДЕРЖАНИЕ:

Главнейшие моменты в жизни школы в 1921 году.

В настоящее время за отсутствием педагогических журналов, а равно и специальных учреждений, которые следили бы за текущей жизнью школы, очень трудно представить себе общую картину этой жизни.

Всего хуже обстоит дело с учетом школ и других просветительных учреждений. Несмотря на все усилия и центрального статистического управления и статистического отдела Народного Комиссариата Просвещения, получить сколько-нибудь полные и точные данные оказывается невозможным за отсутствием на местах учреждений, которые бы ведали это дело и умели бы его сделать.

Только к декабрю месяцу удалось свести до известной степени все имеющиеся статистические сведения о школах, учащих и учащихся, относящиеся к 1 января 1921 г. Какие изменения произошли в числе школ и составе школьных работников и учащихся в течению истекшего года, этого мы во всероссийском масштабе не знаем и знать не можем.

Другие источники дают отдельные сведения о различных городах и губерниях, относятся к различным моментам года и, даваемые не по одному общему плану, носят случайный характер и не дают возможности составить себе представление об общем ходе развития школьного дела в России за истекший 1921 год.

Не подлежит сомнению, что школьное дело продолжает быть неустойчивым и расширение и свертывание школьной сети в очень значительном размере продолжает быть обычным явлением.

Материальная база школьного дела в истекшем году подвергалась особенно сильным колебаниям и можно сказать эта необходимая почва как бы уходила из-под ног школы.

Школы в огромном большинстве случаев оставались и остаются без помещений, особенно в больших городах. Несмотря на высказанное еще в конце 1920 года пожелание ВЦИК о возвращении школам школьных зданий, несмотря на несколько декретов и отдельных распоряжений на ту же тему, большинство комиссариатов не возвращают Комиссар. Народн. Просвещения занятых их учреждениями зданий. Можно справиться в любом, на удачу, губернском городе, чем и кем заняты лучшие школьные здания, и всюду будет получен один и тот же ответ: лазаретами, военными частями, отрядами особого назначения Ч. К., учреждениями всех других комиссариатов, учреждениями совета профессиональных союзов и партийных организаций, но не школами. А где же помещаются школы?

Чаще всего в наименее для них пригодных худших или пришедших в полную негодность школьных зданиях, которые никого уже не привлекают, или в одном или двух школьных зданиях, которые школам удалось удержать за собою, но которые теперь должны обслуживать двойное и тройное число школ и учащихся, которые ведут занятия в 2, 3 и даже в некоторых местах в 4 и 5 смен. Само собою разумеется, что ни о каких трудовых процессах, правильно поставленном самообслуживании школы при этих условиях не может быть и речи, а общий уровень научной работы школы должен быть сведен до минимума.

Не много лучше обстоит дело и в более мелких городах и селах. Если там захвачены другими учреждениями не все лучшие школы, хотя некоторые все-таки захвачены, то решительно все пришли в полную негодность из-за отсутствия ремонта. Комгосор, совершенно вне каких-либо реальных требований на ремонт со стороны мест. определил для

всей России огулом, что он берет на себя ремонтировать около 300.000 куб. сажен школьных помещений и предложил распределить эту сумму по губерниям и из центра, совсем не принимая в расчет, что в центре нет и быть не может никаких сведений о количестве школ нуждающихся в ремонте.

Еще хуже обстоит дело с постройкой новых школьных зданий. Потребность в них в некоторых местах очень велика, благодаря или полному уничтожению, в некоторых местах, школьных зданий или появлению новых поселков, в связи с передвижениями населения и возникновением новых центров около строящихся электрических станций, жел. дорог и т. п.

Можно сказать, что Комгосором по заданиям Н. К. Пр. ни одного школьного здания за истекший год не построено. А если где и возникли новые школьные здания, то только на местные средства или на средства новых промышленных предприятий и в связи с ними.

Таким образом общее заключение о положении школьных зданий может быть сделано только одно: обеспечение школ школьными зданиями за истекший год ухудшилось и ухудшилось очень значительно.

Не лучше обстояло дело и с снабжением школ учебными пособиями и книгами.

Если в 1920 году это снабжение выражалось в странных цифрах, вроде: один карандаш на 60 учеников, одно перо на 22 ученика и т. п., то и в истекшем году дело обстояло не многим лучше.

Что касается книг, то старые запасы их приходят к концу, а новых учебников не появляется. Назначенные к переизданию в спешном порядке в мае месяце 50 учебников, не вышли из печати и до сих пор. Самый способ распределения учебников между губернскими отделами народного образования—влечет за собою крайне неравномерное снабжение ими отдельных школ. Получая в свое распоряжение всего сотню, а иногда и несколько десятков того или иного учебника губ. отдел, естественно, предпочитает снабдить две-три ближайшие к нему, работающие у него на виду школы, чем распылить это ничтожное количество между сотнями школ. Остальным школам предоставляется выпутываться из положения, как они знают.

С возобновлением частной торговли в больших городах дело само собою перешло к тому, что ученики, желающие читать и писать в классе, сами принуждены приобретать на вольном рынке, по вольным спекулятивным ценам, и книги, и тетради, и карандаши.

Школа может работать правильно только тогда, когда душа ее, учитель, обеспечен необходимыми средствами для существования. Требования учителя, особенно начальных училищ, в этом отношении всегда были более чем скромные, и в прежнее время нормы оплаты их труда были ниже норм всех других профессий не только интеллигентных, которые оплачивались в общем выше физического труда, но и норм установленных для всех квалифицированных рабочих, только поденные чернорабочие, да сельскохозяйственные рабочие получали меньше. В настоящее время эти нормы все более и более отстают от норм всех других специальностей, и привозящий в школу дрова извозчик или печник, поправляющий школьную печь, зарабатывает в один день больше, чем полагается учителю за целый месяц.

В течение всего года оклады штатных работников изменялись с большими запозданиями и позорно отставали не только от требований жизни, в связи с ростом дороговизны, но и от роста окладов решительно во всех других комиссариатах и профессиях, не говоря уже о росте вознаграждений за сдельные работы на вольном рынке труда.

Но всего хуже было то, что и этого ничтожного жалования большинство школьных работников не получало. Полгода, семь, восемь месяцев задержки в жаловании стало хроническим, почти всеобщим явлением. Н. К. Пр. к концу года оказался в долгу перед школьными работниками, на такую головокружительную сумму (несколько трильярдов), что нет никакой надежды, что эта сумма будет выплачена, или она будет выплачена номинально тогда, когда эти деньги ничего не будут стоить.

Назначенные и распределенные по губерниям 169.000 пайков для работников просвещения в огромном большинстве случаев также не были выданы учителям, или были заменены самыми выдачами того продукта, который был под руками, да и то в самом ничтожном количестве. Школьные работники целых губерний, например, получали вместо установленной нормы продуктов, которыми с грехом пополам можно было бы просуществовать месяц, по 6 ф. немолотого овса и это за несколько месяцев.

Как же могли просуществовать школьные работники при таких условиях в течение всего этого года? Часть всеми правдами и неправдами, несмотря на мобилизацию и прикрепление их к месту службы, бежали из школ на другие места, лучше их обеспечивающие. Но это удалось только очень немногим. Остальные вывертывались, как могли. Немного спекуляции, где возможно, другая работа или служба по совместительству, часто неофициальному, часто в ущерб своему прямому делу в школе, частные уроки, вот и все возможные для школьного работника выходы из положения. Для значительного большинства, особенно сельских учителей, эти выходы были невозможны, и если, все-таки, большая часть сельских учителей просуществовала в течение этого года и не умерла с голоду, хотя были и такие случаи, то только благодаря прямой или косвенной поддержке местного населения, видевшего ясно, что если не помочь учителю, то он уйдет, а школа неизбежно закроется. В одних местах население помогло учителям, отведя для них участки земли, и помогая им наладить свое хозяйство—огородное или полевое, в других—прямо обеспечивая учителя пайком натурою.

Вторая половина года ознаменовалась широким, почти всероссийским движением среди населения, имевшим целью найти формы организованного обеспечения необходимой для дальнейшего существования школы материальной базы ее существования.

Во многих городах население в том или ином виде, чаще всего путем добровольных складок родителей начинает принимать на себя обеспечение школы отоплением, ремонтом, учебными пособиями и учителя пайком, а местами и денежным вознаграждением, которого он не получал из казны.

Правительство и в частности Н. К. Пр. не мог не обратить внимания на это явление, и, не имея возможности притти на помощь школе и учителю в виду истощения ресурсов в связи с страшным неурожаем в Поволжье, начал искать иных выходов.

Декрет Сов. Нар. Комиссаров от 18 сентября и последовавшие затем к нему раз'яснения Н. К. Пр. представляют из себя попытку распространения на школы и другие просветительные учреждения новой экономической политики. Материальное обеспечение хозяйственных нужд школы и продовольствие учащих и учащихся этим декретом возлагалось на местное население волостей, промышленные предприятия, правительственные учреждения, профессиональные союзы и, наконец, на городских обывателей. Школы должны в этом отношении распределяться на три группы: сельские—содержимые волостями, городские — содержимые городским населением и школы при промышленных предприятиях и правительственных учреждениях, содержимые этими учреждениями. Для каждого из этих типов хозяйственного обеспечения выработаны особые инструкции. В основании всех их положены два принципа: 1) добровольность связанных

этих сборов и 2) оставление школьного работника по отношению к денежному обеспечению па государственном иждивении. Подчеркнута и очень определенно, недопустимость установления обязательной платы за учение с родителей обучающихся в школе детей.

Нельзя не признать все эти меры, во-первых, несколько запоздавшими, во-вторых, паллиативами. Будущее и ближайшее будущее покажет, в какой мере они окажутся осуществимыми в широком всероссийском масштабе и насколько смогут действительно обеспечить существование школы. Практика не замедлит дать указания и на те изменения и поправки, которые неизбежно придется внести во все эти инструкции и во всероссийском масштабе и в отдельных губерниях и городах, в зависимости от местных условий.

Неизбежные, при столь плохом материальном обеспечении перебои в работе школы и понижение продуктивности этой работы уже с начала 1921 года повели к тому, что часть населения, стремящаяся обеспечить своим детям получение образования, стала искать к этому новых путей помимо государственной школы.

Получают огромное и повсеместное распространение частные платные уроки, дающие заработок тем же учителям. Ученики продолжают числиться в казенной школе, но ее почти не посещают, да и занятия там идут иногда с перерывами в два-три месяца, то нет топлива, то нет учителя, то учитель мобилизован на продналог. Учителя продолжают состоять учителями этих школ, но у них оказывается более чем надо свободного времени, в виду, или временного прекращения школьных занятий или сокращения учебного дня иногда до 2-х часов при занятиях в 4—5 смен. И вот тот же учитель дома, за особую плату, учит часть своих же, или чужих учеников. Часто для него это единственное средство спастись от голодной смерти.

Возникают и целые неофициальные домашние учебные заведения с платным обучением.

А как же шла учебная работа государственной школы?

Общий план и содержание этой работы намечался еще в 1918—19 году, в момент разработки первых программ единой трудовой школы. Программы эти тогда были выработаны, но официального утверждения не получили. Тем не менее провинция, жаждавшая указаний, как же и чему учить по новому, добывала эти программы в литографированном виде. Они раздавались на с'ездах и конференциях, выдавались приезжавшим с мест делегатам. На местах их распространяли своими средствами, часто перепечатывали в виде отдельных брошюр и книжек и распространяли по школам. Несмотря на довольно малую приспособленность этих программ к реальным условиям жизни нашей школы и к нашему учителю, провинция добросовестно принялась за попытки частичного их осуществления.

А между тем в центре шла серьезная работа по пересмотру и переработке этих программ.

Эта работа была окончена в большей своей части еще в 1920 году, но далеко не все программы были тогда же напечатаны. Последние из них запоздали в печати настолько, что появились только в конце 1921 г. Таким образом весь 1921 г. школы получали новые программы в отмену программ 1918—19 года.

А между тем еще в конце 1920 г. было решено приступить к коренной реформе единой трудовой школы с заменой девятилетней общеобразовательной школы 7-летнею и техникумом. Таким образом распространяемые новые программы могли рассматриваться, как временные, и подлежали переработке для будущей школы.

К самой реформе надлежало приступить со второго полугодия 1921 года и предполагалось реформировать до 40% школ 2-й ступени в техникумы. Осуществить это не удалось. В частности, в Петрограде и Москве ни одна школа 2-й ступени в техникум не превращена, но самое ожидание предстоящей реформы не могло не отразиться на работе этих школ.

Трудно предвидеть, как пойдет дальше проведение в жизнь этой реформы. Ясно, что комиссариат стремится ориентироваться в своей работе в ближайшем будущем на двух новых ступенях школы — четырехлетней сельской и городской (это старая земская и городская школа) и 3-хлетней школе 2-й ступени—(это сокращенное старое высшее начальное училище). Но пока еще типы этих школ не ясны, а второй еще и не возникает на практике. Школа 2-й ступени там, где она сохранилась, продолжает свое существование и поныне.

Таким образом, истекший год характерен неустойчивым положением не только материальной базы, но и самого типа учебных заведений. Неустойчивость материальной базы—поколебала фактически один из основных принципов единой трудовой школы — бесплатность обучения. Частичное проведение местами провозглашенной реформы разрушило единство школы. Фактически теперь существуют следующие типы школ:

1. Школа с 4-летним курсом. }
2. Школа с 5-летним курсом. } 1-я ступень.
3. Школа с 7-летним курсом. }
4. Школа 2-й ступени с 4-летним курсом.
5. Техникум с 4-летним курсом.

На практике встречаются еще различные комбинации этих типов.

Не только поколеблен, но и окончательно разрушен в истекшем году и третий принцип единой школы—беспрепятственный переход учащихся из школы одного типа или ступени в следующую ступень. В виду недостатка школ 2-й ступени, во многих местах были установлены приемные испытания для окончивших школу 1-й ступени при их переходе во вторую. Но это явление было еще не всеобщим и не столь тяжелым, как тот порядок, который был установлен Главпрофобром для приема в высшие и особенно в специальные высшие учебные заведения. Там всюду был установлен настоящий конкурсный экзамен или коллоквиум, с пред'явлением к окончившим школу 2-й ступени требований, не по программе этой школы, а по программам очень близким к старым требованиям экзамена на аттестат зрелости.

Достаточно указать на такой пример несогласованности этих требований, с программами школ второй ступени. В программах по математике для школ второй ступени рекомендуется исключить из курса, как излишний балласт бином Ньютона, на конкурсных экзаменах в целом ряде специальных высших учебных заведений г. Москвы со всех экзаменующихся требовалось знание этого бинома и незнавшие его экзамена не выдерживали.

Надо еще принять во внимание, что реальные условия работы в школах 2-й ступени в течение прошлого учебного года лишили их фактической возможности пройти и свою программу. Для учащихся, желающих попасть в высшее учебное заведение, оставалось одно средство: обратиться к частным учителям. И на стенах домов г. Москвы появляются десятками рукописные, а иногда и печатные об'явления: «готовят к конкурсным экзаменам в специальные учебные заведения». Школа оказалась неспособной выполнить эту свою задачу и в настоящее время «единая» школа в России не существует.

На общем фоне всех этих печальных явлений, нельзя не отметить и кое-каких отрадных проблесков.

Такими проблесками можно считать работу отдельных школ и отдельных педагогических коллективов, которые, по-

теряв надежду на материальную поддержку центра и перестав дожидаться сколько-нибудь решительных и окончательных указаний от него, стали строить свою работу самостоятельно и по новому, в зависимости только от требований жизни с одной стороны и современных педагогических течений с другой. Некоторым из них удалось уже достигнуть в этом отношении существенных результатов. И местное население, и отделы народного образования, и другие заинтересованные учреждения охотно приходят на помощь таким школам. Таких школ можно насчитать по нескольку в каждой губернии, такая школа найдется почти в каждом большом городе.

К ним принадлежат и довольно многочисленные, так называемые, опытно-показательные школы Н. К. Пр., находящиеся в особенно выгодном положении потому, что материальные-то их нужды обеспечены удовлетворительно.

Хотелось бы сказать что-нибудь подобное о попытках целых губерний или уездов самостоятельно поставить дело народного образования на новую более прочную базу и помочь школам развить свою работу в более или менее нормальных условиях. Но к сожалению в этом отношении можно указать, кажется, только на один Петроград, который действительно сумел обеспечить своим школам сносные условия работы.

К сожалению нельзя того же сказать о Москве и едва ли можно указать какой-нибудь другой город или губернию, про которые можно было бы сказать, что дело в них обстоит благополучно, или хотя бы в половину также как в Петрограде.

Мы не отметили еще одного момента в жизни школы за 1921 г., а именно попытки провести в широком масштабе летнюю работу в школе. К сожалению, тут приходится отметить крупную неудачу. Во всероссийском масштабе летняя работа школ не прошла. В некоторых губерниях потому, что учителя были почти поголовно мобилизованы на сбор продналога. Правда, это дало им возможность прожить лето, ведь жалование они не получали, но вести летние занятия они уже не могли.

В городских школах эта работа свелась к устройству летних колоний, число которых по всей России было в 1921 г. уменьшено более чем на 50% и которые захватили только ничтожную часть учащихся. А если мы примем во внимание, что в огромном большинстве колоний настоящей летней образовательной работы не велось, а дело ограничилось питанием детей и надзором за ними, то придется признать, что результаты этой летней кампании очень ничтожны. Только Петроград в этом отношении представляет исключение; там летняя работа в значительной части городских школ была правильно организована и проведена с успехом.

Мы вступаем в новый учебный год, уже не под знаком полной реформы всего школьного дела, как это было в начале 1921 года: реформа очевидно затянется на несколько лет, а может быть будет отменена до ее широкого применения. Задачи нового учебного года скромнее, но бесконечно важнее. Спасти школу от окончательной гибели и найти для нее новую материальную базу помимо государственного снабжения—вот две главные задачи, без решения которых тщетны будут все попытки реформировать школу. А оставить ее в современном—полуразвалившемся состоянии невозможно.

Н. В. Чехов.

Из дневника педагога.

Еще не время подводить итоги... и не для итогов хочется мне опубликовать некоторые страницы своего дневника. Революция не закончена, а с нею вместе еще не оформлена—школа. Не подошли и не изучили ребенка, не нашли и не нащупали новых форм для организации его жизни, для развития его души...

Страницы моего дневника—только страницы, случайные и беглые из жизни школы в эпоху революции. Они стремятся лишь вскрыть ряд вопросов, поднять над ними завесу и возбудить к ним внимание... В советских органах не раз вскрывались недостатки советского механизма... Школе не место было в этих заметках.

На страницах же педагогического журнала мы, педагоги, с полной откровенностью должны подойти ко всем нашим ошибкам, недочетам и болезням и через них найти верные пути...

Кто не ошибается, тот не творит, если не время подводить итоги, то время учесть и оценить ошибки.

---

15 сентября 1918 года.

Плачу... по-женски, безвольно, бессильно плачу... Плачу, и со слезами начинаю свое знакомство с трудовой школой...

С таким радостным и молодым, я бы сказала, наивным чувством переступила я вчера порог N-й школы... Меня давно влекло само это здание, его архитектура, живопись... Оно казалось таким светлым, широким. Но первый шаг, первый подступ уже ударил меня как обухом по голове... Тротуар, входная дверь, ступеньки лестницы, все испещрено сквернословием. Сквернословию нет конца, нет меры цинизму... А этот стон и рев, этот стук и гром о что-то твердое, эти звуки, пронзительные и жалкие, оборванных струн?.. Откуда, что это?.. Я стала искать их источник, стала искать людей. Звуки помогли мне найти залу, залу, в которой катался какой-то полосатый клубок, клубок из живых детских тел.

Он катался, гоготал, свистел, вырывал из паркетного пола куски и бил ими о стену, истязал и насиловал инструмент, дрался, кричал, плакал...

Я 22 года провела в детском обществе, но разве этот хаос дети? Задрожали ноги, закружилась голова и на мгновение охватил мучительный животный страх. Бежать, но нет уверенности, что в догонку тебе не полетит куска паркета и на тебя не опустится кулак. Без мысли, с мутью и дрожью в душе я остановилась и стала глазами искать педагогов... Нашла лишь дверь и направилась к этой двери, но дверей было много: две, три, четыре... За каждой дверью был молчаливый хаос классной мебели, но учителей, взрослых людей не было.

Дверь за дверью, и я попала, наконец, в коррндор, в глубине которого приютилась учительская с учителями. На лицах их тупое равнодушие, в позах их покой... Нашла председателя школьного совета, милую молодую девушку, полную недоумения и вопроса. Я, оглушенная, сбитая с толку этими несколькими мгновениями пережитого, стала прислушиваться. Шло заседание школьного совета, обсуждалась инструкция из района, в которой было много слов, много правил, много требований, но которая не имела никакого отношения ни к гогочущей детской толпе, ни к учителям

Долго молчать я не могла, повернула разговор от инструкции к детям, спросила разгадку ко всему тому, что творилось в зале и узнала... Это ревели там те, кто уже учился в этой школе и те, кто был прислан из района записываться в нее. (Дети не по желанию приходили в ту или иную школу и не по выбору родителей, а по распределению района). В школу записывали уже неделю, и неделю продолжался этот вертеп. Запись окончена, в этой ревущей толпе более 500 человек, но разделить их на группы, разместить в соответствующие комнаты было почти невозможно.

Поставила вопрос о главном и будто отошел покой. Кто оживился и примкнул ко мне—«дети главное», кто безнадежно махнул рукой «видели, мол, таких ретивых». Но совет сбился на «главное» и уже не вернулся к инструкции. Совет, педагогический совет, стал военным советом.

Военный совет обсуждал вопрос об освобождении позиций. Надо было школу освободить от детей, без детей привести все в порядок, смыть и очистить от сквернословия и цинизма, организовать работу, и лишь в организованную среду ввести детей. Но как сделать? Кто смеет закрыть двери школы? По инструкции школа открыта с 5 сентября...

Инструкция... В свободной стране—рабство перед инструкцией?...

Оказались смелы, решили перешагнуть инструкцию и запереть двери школы. Перешагнули инструкцию, но это еще не все.

В школе есть еще и постороннее ей тело, есть столовая, детская столовая другого ведомства. В ней, в этой столовой обедают 5 школ. 5 школ ходят через эту школу, 5 школ проходят через нее и оставляют свои следы и вносят в нее свое разрушение. Обошли и этот вопрос, решили открыть другие двери и впускать в них 5 школ...

— Кажется, все... Нет, не все. Нужны дипломатические разговоры с детьми и с техническими. Вызвали технических. Употребили всю дипломатию. Убедили... Надо закрыть... Надо убрать... хорошо, но как и чем убирать?.. Нет «орудий производства»: нет мыла, щеток, тряпок. Нет горячей воды... А кухня?

Но ведь это другое ведомство... Нужна новая дипломатия...

Пригласили заведующую столовой... Согласилась... дает воды. Принесли тряпки, щетки, мыло...Мы упорны... Мы изгоним из школы надписи. Но вот сдержать напор детей. Швейцар снимает с себя ответственность: «уж вы сами...»

Хорошо, мы сами...

Дипломатия продолжалась долго. Осенний день склонился к вечеру, неприятель устал, неприятель исковеркал все, что мог, и покинул позиции.

К 7 ч. вечера я пришла домой. Как невыразимо больно... Вот оно лицо «Трудовой школы». Почему это?.. Нет ответа. Поборемся, увидим... Стыдно, но слезы, малодушные слезы, подступают к горлу.

20 сентября.

Три дня мы мыли. Нас было 18 человек. Трое из нас с высшим образованием.

Мы мыли добросовестно, с энтузиазмом и под'емом. Кое-что уничтожили,—то, что написано. Что вырезано, уничтожить не могли... Осталось для истории.

Во время мытья познакомились, сблизились в этой работе. Состав не так сер, но безволен, беспринципен в политическом и педагогическом смысле... Влиять можно, и если встречу поддержку в районе, то, вероятно, удастся что-либо сделать.

Столковались, разделили группы и завтра со светильниками ждем детей.

Сегодня же была на первом педагогическом собрании в районе.

Какая-то трагикомедия. Во главе педагогической секции стоит студент-мальчишка. Ломаным русским языком он изрекал перед нами педагогические истины—новые, еще не воспринятые нами истины.—«Никакой книги, никакой уро[ка] арифметики. Побольше труд, побольше производительный труд».

Раздаются вопли: «мы не знаем никакого вида труда, у нас нет инструментов, нет материала»,—но воплям не внемлят. Долой книгу, долой предметы, долой учебу. Труд и экскурсии.

Без плана и системы тут же на собрании намечаются экскурсии в музеи, картинные галереи и пр. и пр. Экскурсионный день для всех—четверг. В четверг, ни один человек не должен быть в школе... Часа 3 длится этот сумбур, сумбур без тени мысли, без нити настоящего подхода к делу. То налаживание работы, которое казалось возможным утром, стало детски смешным, а еще смешнее—вера в район, вера в его поддержку.

Ушла с собрания с неловким чувством неуместности своего пребывания на нем. Было неловко, стыдно. Стыдно, что и ты с седой головой и большой педагогической практикой слушала этого косноязычного, малограмотного ребенка, слушала его бред, и не подала своего голоса... Но говорить, возражать было нечего... это был именно бред.

Подождем, что скажет завтра.

29 сентября.

К 8 час. утра была в школе. Разбудила технических служащих и стала ждать детей. К 8½ подошли товарищи и мы приготовились к приему.

План элементарен.

Раздевальня. «Снимите шапки, одежду».

Проводили в соответствующие этажи и классы. Боремся с шапками, со сморканием на пол, с семячками, воблой, со свистом, истязанием инструмента и громкой, самой циничной руганью.

В 8¾ даем традиционный звонок. Часть в классах, часть экскурсирует по школе и не подчиняется. Меньшинство. Идем в группы, каждый в свою.

У меня — IV группа. Большинство дородных мальчишек, лет 13. Вхожу, закрываю дверь и делаю попытку ознакомиться с детьми, составить списки.

Момент относительной тишины. Вдруг молодецкий посвист и кто-то из «огольцов», «свистунов», «стригунов» обращается ко мне с вопросом:

— «Эй! ты, свинья толстомордая, ты это нас учить хочешь?»

— «А ты, мокрохвостая, большевичка или нет?»—«Ты это иконы у нас уперла» и т. д. и т. д.

Ряд самых грубых, самых неожиданных вопросов сыплется на мою голову. Но не смотря на эти вопросы, на эту грубость и дикость, я чувствую, что это отрыжка, отрыжка среды, проникнутой недоверием к новой школе, раздраженной нарушением старой рутинной системы,—главное системы,—и вместе с тем смешение всего этого с так-называемой «большевистской политикой».

Это дети и не дети. Они чего-то жаждут, но чего, они не знают.

— Читай про Карлу Маркса,—говорит один.

— Ты нам евангелие дай,—перекрикивает его другой.

В голове, в душе буря...

Полны противоречия, полны новых веяний, полны раздора и сомнений... Одни бурлят. Для них это бурление—стихия. Другие робкие и нежные и глаза их полны недоуменного ужаса.

Девочек мало. Больше мальчишек. Вопросы сыплет все одна и та же группа. Это—так-называемая «камчатка».

Вопросы сыплятся с такой быстротой и неожиданностью, что я лишена возможности отвечать. Но из всех вопросов я

улавливаю одну ноту. Они презирают школу, презирают нового учителя, но презирая нового,—далеко не хорошего мнения о старых.

— «Они нас били»,—говорит кто-то...

Школу они презирают за ничего неделание, за хаос и безудержную смену лиц.

— «Ты у нас «семая»,—говорит кто-то,—«а все от вас, чертей, толку нет».

И ребенок безнадежно махнул рукой. Я пыталась отвечать, пыталась говорить им, но они не слушали и заглушали меня...

Вдруг кто-то задал вопрос: — «Откелева тебя принесло к нам?»

На этот вопрос я решила ответить ребятам подробно и добилась тишины, сначала сравнительной, а потом, когда они увидали, что я говорю серьезно и искренно, полной. И вот, уже неделю как мы говорим, но говорим похорошему. Их вопросы все глубже и глубже затрагивают меня, и все больше и больше убеждают меня в том, что передо мной новый ребенок: ни ребенок, ни взрослый. Уже не огольцы доминируют, а все спрашивают, все задают вопросы. И от вопроса «откелева я» мы отошли далеко, но только мне все больше и больше приходится раскрывать свою душу, я никогда ни перед кем в жизни не исповедывалась так, как исповедывалась перед моей маленькой аудиторией. Исповеди моей подходит конец. Мы связаны крепко и мои протестанты побеждены. Я вполне владею ими и уверена в том, что если не будет побочных причин, то работу можно наладить.

Это работа в группе.

А школа, а общий план педагогической работы?

Пока все идет налад. Товарищи оказались очень податливы и пошли на встречу организационным новшествам. Стали больше верить в силу своего педагогического такта и творчества, чем в районную инструкцию.

Организуемся оригинально—по этажам. Черезчур велика школа, трудно всех об'единить.

Вырабатываем по немногу и планы, а главное, учимся владеть ребятами, находим нити, связи и точки соприкосновения. Школа разгромлена. Огромная ученическая и учительская библиотека почти расхищена, пособия в крайне жалком состоянии и их мало.

Характерно то, что подтянулись технические.

Форма школьного управления ужасна. Полное бесправие, а вместе с бесправием идет разнузданность и разруха работы. Массу сил отнимает связь с районом.

И так мы на пути к работе.

7-е октября.

Район—это неисчерпаемый источник волнений и даже больше: разрушитель всякой работы. Просто гениальный разрушитель.

Только мы немного сорганизовались, как он опять вносит перемены. У нас оказалось более 50% мальчиков, а их должно быть ровно 50. Новая перетурбация. Нас перегруппировывают, уводят наших мальчиков и дают нам девочек. Чем руководствуемся мы при выборе?.. Конечно, берем самых трудных и нам отвечают тем же.

Группы, которые подвергались этому пересаживанию начинают работу сызнова.

Грозят и учителей пересаживать. Дело хорошее. Переливание из пустого в порожнее.

За три недели с начала занятий мы все же сделали много и, войдя к нам в школу, посторонний человек уже не будет оглушен так как была оглушена я 15-го сентября.

Слезы мои, конечно, высохли, но состояние бессилия не покидает. Бессилие не с детьми, а бессилие с руководителем районного отдела нар. образов. и бесконечными инструкторами. Иногда бывает такое унизительное чувство, что не помогает вся философия в оценке современного момента.

Я часто убеждаюсь, что люди с инициативой району мешают, что он сознательно выбирает бездарностей. Состав районного учительства ужасен. Нет учителя. А кто случайный, кто временный, занят этой работой на пол-пути и пол-дороге. У нас в школе в этом отношении очень хороший подобрался состав. Случайный элемент лишь исключение.

Хочется остановиться на анализе детей.

Мой класс перегруппировке подвергался уже четыре раза и за время с ноября прошлого года до сентября 1918 г. через него прошло действительно семь учителей. Подготовка, как это ни странно, довольно однообразная. Это об'ясняется стереотипией городских школ. Одни программы, одни учебники и даже стереотипные библиотеки. Многопредметность и схоластичность программ оказала на них свое влияние.

«Мы знаем, все знаем, и природу и географию», но все эти знания мизерны. Круг представлений очень не велик, а технические навыки (кроме каллиграфии) еще того хуже.

Класс разделяется на две группы. Часть — большинство — это дети, дети взволнованные и войной и революцией, сбитые совершенно с толку, но дети. Другая часть, их у меня 13 человек, воры-рецидивисты. Это не тайна. Они — «герои». Их трепещут, и они знают себе цену. Для того, чтобы овладеть «героями» нужно было их брать центром внимания и к ним приурачивать план работ. Первое время я так и делала, но работа благодаря им приобретает такой напряженный характер, что 4 часа, проведенные с ними, стоят 8—10 часов.

Попытаюсь приложить все усилие к их выводу из школы. Они должны уйти к морально дефективным. Ко мне они благоволят и благоволят настолько, что перетягивают иногда к себе своих товарищей из V группы. Это—дети с дна. Они прошли чуть ли не все школы. Они еще в дореволюционный период были удалены из школ и с свидетельской записью, опять вошли в школу. Среди них есть талантливые. Они интересны, но конечно, должны быть из'яты из нормальных школ. Но из'ять не велит район. Они заслепляют младших и парализуют с ними работу.

Вопросы, поставленные передо мной детьми определили мне отчасти путь работы, я эти вопросы разобью на такие рубрики:

1) Религия.
2) Революция.
3) Междоусобная война.
4) Общественные отношения.

Я решила остановиться на первом, как на самом близком и самом остром и больше всего волновавшем детей.

Остановилась я на этом вопросе еще и потому, что этот вопрос (положим, как и все остальные), был острым и для педагога. Мы вели по этому поводу бесконечные беседы, даже споры и к моему удивлению мое отрицание икон и необходимости молитвы, как внешней формы, не озлобило и не отдалило от меня детей. Их только удивляю, что икон не молюсь, в церковь не хожу, а не большевичка.

И этот вопрос, «большевик!» Большевик, как сила, как власть имущий у них доминировал. С него начинали и к нему приходили все вопросы. Близился канун октябрьской революции и мы решили сознательно подвести к нему детей.

17 ноября.

Опять дни борьбы и тревоги. Угроза перегруппировки учителей приведена в исполнение. Из нашей школы взяты три педагога, три лучших товарища... Переводом взволнованы не только мы, учителя, но и дети. Поставлен классом вопрос передо мной: «А вы уйдете?» Дала слово, что не уйду. Так много нарушено этим переводом.

Сегодня—классический разговор в районе. Я подаю смету на оборудование трудовых процессов. Прошу материал д

всей школы, берусь обучить учителей и наладить работу с детьми, получаю категорический отказ.

«Это не ваше дело. Не суйтесь куда вас не спрашивают»...

Вот чудеса! Что же мое дело?..

«Выполняйте те трудовые процессы, которые вам определены. Замазывайте окна (без замазки), чистите снег (без лопат), рубите, носите дрова».

Трудовые процессы, предложенные мной, забава... Старый ненужный ручной труд иллюстративной школы...

Глубоко оскорбленная я ухожу из района... Покупаю на свои средства материал для ручного труда и ввожу его сепаратно в одном своем классе. Это не педагогично, но я вошла в школу для дела, а не для лакейского прислуживания.

Еще не прошло двух месяцев с начала моей работы, а мой класс, и даже весь наш этаж пример организованности.

Мои ребята ходят в младшие группы помогать руководителям. Не ударят лицом в грязь и в общественном месте. Самостоятельно работают и первые в организации всяких хозяйственных работ.

А спуститесь в столовую, в эту иностранную державу, в которую ввели мы свой контроль. Уж вам не приходится принимать ванн из жидкой баланды. У всякого свое время, место и маленькое посильное «столовое самоуправление». Нас, учителей (если не всех, то почти всех) ребята не ругают, а наоборот, мы чувствуем внимание и заботу. Не обделят куском хлеба, не забудут налить во время завтрака порции, проводят домой. А на-днях принесли в класс собаку, да ее выгнала нервная учительница и порешили миром собаку поселить у меня, а собака будет общественная.

Пережили мои ребята испытание. У меня умерла сестра. Я забежала утром, предупредила их и дала работу. Два дня не была в школе. Прихожу и жду жалоб на них. Где тут жалобы! Говорят товарищи, что и не чувствовали моего отсутствия. Не выдержала, тронуло меня это. Разговорилась с детьми и спросила, почему так встретили. Сконфузились ребята, видно и сами не знают. Видно обстрел учителей — этого современного момента.

25 ноября.

Неудается вести дневника каждый день. Председательствование в школьном совете сводит все дело к административной работе, к вечному торчанию в районе. А дневник так важен во всех смыслах. Важен и для меня и для позднейшей оценки.

У нас большая новость, введен «производителный труд». Получили распоряжение из района к 10 час. утра привести детей в мастерскую по обработке металла. Дети волновались, в особенности девочки. Боялись непосильной и не свойственной им работы. Пришли в мастерскую и поставили нас к грудам старья и лома отчищать его от ржавчины. Более скучного, вредного и утомительного дела нельзя было придумать. Мы чистили, рабски покорно чистили, а идя домой всю дорогу ломали голову: «к чему бы это». Да к чему бы эта нелепая неодухотворенная работа... Это «общеполезный труд» рвалось у меня об'яснение полное сарказма и иронии. Надо воевать в районе. А у меня отношения натягиваются и обостряются там с каждым днем.

Я дала слово глубоко, глубоко запрятать свое самолюбие. Побольше философии... побольше философии.

27 ноября.

Событие за событием. Ночью ограблена кладовая столовой. Школа наводнена уголовным розыском. Мои рецидивисты держутся несколько смущенно, но бравируют независимостью. Я в полном волнении и негодовании. Уголовный розыск ведет дело просто, без обиняков, ребят допрашивает, кто что видел и знает. Встреча с моими огольцами трогательная:

— «А Гаранька, ты тут, сукин сын? давно тебя не видно. Что же, это — дело твоих рук?»

Но Гаранька отпирается, а следователь понемногу собирает сведения о Гаранькиных соратниках. Он утверждает, что тут у нас в школе налицо вся шайка, но работа их так чиста, что их не откроешь. Не открыли их и в данном случае, только охладили их пыл к наукам и освободили нас от их присутствия.

Хороша и остальная публика. Сегодня привели девочку новую в наш класс. Не успела я с ней переговорить, как приходят ко мне ребята очень довольные:

— Девку-то отшили!

— Как отшили?

— Да так, на кой она нам? Что нам с нее толку и так девок много...

Так и выгнали девочку. Не помогли мои сентенции и убеждения.

— На кой она?—да и только.

Дичь, дичь...

А вот и разгадка дичи. Летом жили в колонии, много говорили о том как жили. И вдруг один прибавляет:

— А сколько я там курьев переколошматил.

Что такое, как переколошматил? Да, просто резал кур. Резал кур для своей учительницы, которая любила курятинку, да Москву к осени ею снабдила...

Да, «курьев колошматил». Что же ждать. Что же требовать!?

Какие игры дикие. Чуть запоздаешь утром, а в зале возня, слезы и смех. Это уже известно какая игра. Ставят малыша и кричат: «Сын городовей. К стенке его, к стенке». Малыш ни жив, ни мертв, ревет только, и зритель и исполнитель доволен...

Но самое ужасное, самое дикое это бои с соседними колониями. Это форменный кулачный бой, а смельчаки и новаторы вооружаются огнестрельным оружием. На этих днях у меня на квартире был перевязочный пункт. Избили двух моих в кровь... За что?..

Вражда старая, исконная. Школы враждуют давно. Кажется, вражда чувствуется и между педагогами. Чем дальше в лес, тем больше дров. Подходишь ближе и все новое и новое являют собой. Какому глубокому анализу и изучению должны мы подвергнуть ребенка, а мы что делаем... Эксперимент, огромный колоссальный эксперимент... безграмотно и кустарно.

15 декабря.

Бегут дни быстро, быстро. В душе раздвоенность. Затянула работа в школе, но школа начинает быть фортом Шаброль в районе. Кое-кто из коммунистов стремится дискредитировать меня в глазах учительства, обвиняя в меньшевичестве... но меньшевичеством меня не прошибешь. А вот прошибает сознание ненужно затрачиваемых сил. Работа в школе затягивает, но работа по отношению района принимает явно демонстративный характер. Привычка к культурной, общественной работе и работе независимой так велика, что отказаться от этой привычки, перевернуть себя напзнанку не могу. Это претит всему моему существу.

А форма работы, усвоенная рядом лет в данной эпохе не приемлема... Очевидно неприемлема... Если это не персональное.

Уверена, что если бы не было всех этих трений, то и в данный момент при данных экономических условиях возможно было бы создание очага творческой работы... Много искренней зеленой молодежи, но ее нужно учить, а не усыплять ее сознание... Бедный русский учитель, вековечный подвижник... Как вышло это так, что ходом революции, ты отброшен? Отброшен в стан контр-революции и междуусобной брани и на место твое пришло новое поколение и сла-

быми неумелыми руками разрыхляет поднятую тобой целину... Но так вышло и на посту остались не многие из нас.

Близится Рождество. Готовимся к елке, развили страшную энергию. Ставим спектакль, устраиваем сцену. Кипим, хорошо, весело. Дети подтянулись. Нет местничества и счета в работе.

28 декабря.

26-го собрались с утра украшать елку. У нас есть елочная комиссия, и вот она орудует. Елок придется устраивать много. Через елку нашей школы придется провести ряд школ. Это печально, лишает интимности и уюта весь праздник. Характерны беседы детей во время украшения. Вещей прислали много и очень ценных. Большая часть—заграничное стекло очень тонкой работы. Дети любуются.

— «Ах, у буржуев взяли. Вот, хорошо. А теперь нам».

Но нам этого мало. Каждому хочется взять в собственность, то попугая, то клетку, то дудочку. Мука была с украшением, с охраной в течение двух дней. Хранили мы и дети, а храня они разрушали.

28-го—последний день. Вечером проходит последняя смена. Елочная комиссия присутствует вся. Упразднена—награда за труд.

Пришел из района руководитель игр. Человек 200 детей водят вокруг елки каравай... Все мы устали, праздники обратились в каторгу, ослабло внимание и вдруг в один миг вся масса, все 200 накидываются на елку. Накидываются с безумным криком, как раз'яренные звери... Это миг, один миг: все на полу, все измято, разбито и уничтожено...

Ужасно, безобразно окончен праздник. Я с трепетом собираю свою комиссию. Нет слов, нет слов укора, только изумление. «Как вы могли?..» Они смущены.—«Да что вы, что же тут жалеть, ведь это все реквизировано...»

У меня падает завеса с глаз: все реквизировано, что же жалеть?.. Ведь это современное отношение к собственности...

В. В

Пора кончить.

(Под впечатлением дошкольного с'езда)

На только что закончившемся 2-м всероссийском с'езде по дошкольному воспитанию, вновь был затронут когда-то острый вопрос о так называемом свободном воспитании. «Так называемом»—потому, что еще ни один педагог не осуществил и не пытался осуществить целиком идеи Руссо, Толстого и Вентцеля, в особенности последнее время, когда целый ряд новых проблем встал перед воспитателями: реализация трудовых процессов, социальные стремления и задания и т. д.

С легкой руки П. П. Блонского, заявившего, что попытки осуществления свободного воспитания окончательно потерпели крушение, и указавшего вместе с тем, что $^4/_5$ детских садов (неизвестно только Москвы, или России) охвачены этой опасной заразой, ряд ораторов-оппонентов один за другим, не исключая и корифеев дошкольного воспитания, поспешили отречься от свободного воспитания, провозглашая в то же время свободу ребенка.

Нельзя не отметить, что вопрос этот не отличался на с'езде обычной своей остротой и в вялых прениях не выявилось критического отношения к этой «системе». Все это вместе взятое дало возможность П. П. Блонскому зафиксировать, что на 2-м всероссийском с'езде дошкольного воспитания, не нашлось защитников свободного воспитания и, действительно таковые по докладу Блонского не выступили.

Но означает ли это окончательный провал системы и фактическое отсутствие ее защитников.

— Нет.

3-й и 4-й день с'езда развернули совершенно другую картину: начиная с доклада Е. А. Аркина и кончая последним оппонентом, все говорили о возможно более широкой дороге ребенку, о постоянном бережении его психического и физического «я», т. е., о всем том, о чем так горячо говорили в свое время идеологи свободного воспитания.

Впрочем, не о них тут шла речь, ибо, если П. П. Блонский одним краем коснулся идеи Руссо, то его оппоненты не упоминали ни Руссо, ни Вентцеля, этого русского идеолога свободного воспитания.

Вопрос вращался не вокруг идеологии, а вокруг все тех же $^4/_5$ детских садов, в которых, по мнению П. П. Блонского, дети от излишней свободы разучились ходить на ногах, перенеся центр тяжести на голову, а руководительницы сбитые с толку, не выдерживающей критики, «системой», остаются пассивными и инертными.

Думается, что со времени 1-го с'езда мы достаточно выросли для того, чтобы отнестись совершенно беспристрастно к существующим фактам. Факты же говорят следующее: все то, что сумели осуществить на практике из идей свободного воспитания, дало самые лучшие результаты, никаким принуждением и давлением не удавалось достигнуть того, что достигнуто путем свободного осуществления.

Ребенок в этом отношении похож на взрослого: наиболее выявляет он себя в свободной непринужденной деятельности, сжимаясь и сокращаясь под влиянием всякого вида насилия, как бы незаметно оно ни было.

Помимо этого, факты говорят, что целый ряд воспитателей и руководителей не справляются со своею задачей, не потому что плоха система, а потому что плохи они сами в том или ином отношении.

Все это аксиомы и может быть потому никто из практических работников и не выступил на защиту этой «системы»: «не важно, что говорят, важнее—что делают». Дело же говорит само за себя и поворот назад, в сторону принуждения, по крайней мере, в данный момент невозможен.

На чем же все-таки основаны все эти нападки, ахи и страхи? На недоразумении с одной стороны, и на предвзятом отношении—с другой.

Недоразумение состоит в том, что (как уже указывалось выше) системы свободного воспитания у нас по существу нет, а есть только ее приближение [1]. Предвзятым же нельзя не назвать мнение лиц, хорошо в сущности в этих вопросах (т. е., вопросах дошкольного воспитания) разбирающихся, и тем не менее все ненормальные проявления и явления в жизни детского сада, трактующих с точки зрения свободного воспитания. Фактически эта система санкционирована с'ездом, трактующим ее как «московскую».

[1] Выразителями этого приближения являются лучшие детские сады Москвы.

или русскую». Это и есть та система, которая является некоторым приближением свободного воспитания.

Едва ли можно говорить об этой системе, как таковой и совершенно правильно было замечено кем то на с'езде, что это скорее метод, нежели система.

Метод—основанный на свободе ребенка, тем более абсолютной, чем способнее к проведению его коллектив руководителей.

И, вместо того, чтобы признать это и, не ломясь в открытую дверь, согласиться наконец, что чем ближе этот метод стоит к идеалу свободного воспитания, тем он совершеннее, предубежденные противники продолжают лить масло в огонь, совершенно не считаясь с результатами своих действий. Откуда же исходит это убеждение о зловредности, «скверных сторонах» и тому подобных страшных вещах в деле дошкольного воспитания.

Из личного опыта?

— Ничуть не бывало!

Из наблюдений над работой другого?

Еще того меньше!

Пишущему эту заметку известно, что П. П. Блонский не бывал в опытных детских садах (а, может быть, и в садах вообще работающих по... московской системе), все его рассуждения базируются на том материале, который доставляли ему его слушательницы,- курсанты Социалистической Академии.

Мы знаем с какою степенью осторожности надо отнестись к такого рода наблюдениям, даже и в том случае, если они идеально обставлены.

В той же обстановке, в какой они на самом деле производятся, они имеют ценность относительную лишь в том случае, если лицо, организующее эти обследования, само проверяет их хотя бы в нескольких единичных случаях.

Раз этого нет, никто и ничто не даст обследователю права бросать публичные упреки «системе» и ее руководителям.

Пора, наконец с этим покончить.

Пора перестать одним все прорехи (а ведь и на старуху бывает проруха) в деле дошкольного воспитания относить за счет системы свободного воспитания, другим оправдывать этой системой свое неуменье, или что еще хуже, халатность и разгильдяйство. Последнее не могло бы иметь место, если бы внимание руководящих сфер и лиц было бы устремлено не на злополучную систему, а на то, как эта система проводится. Заслуги свободного воспитания на с'езде никто не отрицал, но расшаркивающиеся перед этой системой в то же время не решились поставить точку над и и сказать: «умертвить эту систему нельзя, ибо дух ее жив» и как бы (подражая апостолу Петру) мы трижды от нее ни отрекались, все же в конечном итоге мы снова вернемся к ней. Это как раз и сделал затем с'езд, в своей детализации различных вопросов. По существу весь 3-й день с'езда был сплошной проповедью свободного воспитания—той формы его, в которую вылилась в последние годы дошкольная практика, т. е. в форме пресловутой теперь московско-русской системы во главу угла ставящей ребенка, как такового со всеми его материальными и духовными запросами.

Л. Тезавровская.

Пути дошкольной работы в Московской губернии.

Цель настоящего очерка—отметить главные моменты в развитии дошкольного дела в Московской губернии, а также осветить роль Губернского Д/Отдела в этом развитии и выявить те основные положения, которыми он руководился в своей деятельности. В заключение я попытался установить несколько выводов относительно пройденного пути, могущих служить некоторым указанием на будущее. В силу внешних условий, очерк поневоле носит конспективный характер, некоторые утверждения могут показаться недостаточно обоснованными: интересующихся проверкою их отсылаю к материалам, собранным за время работы и имеющимся в МОНО и Первой Опытной Станции по Народному Образованию.

Начало дошкольного дела в Московской губернии относится к 1917 г., но мысли о необходимости организации детских садов в губернии мы встречаем еще в 1913 г. на с'езде по народному образованию Московского уезда (см. Труды с'езда).

1918 г. является годом стихийного роста дошкольных учреждений, возникающих в разных местах губернии по почину, главным образом, фабрично-заводских комитетов, а также местных Отделов Народного Образования и отдельных культурных работников.

К 1-му января 1919 г. по приблизительным данным имелось в губернии 40 детских садов с общим числом детей до 3.000; в 7-ми уездах из 18-ти организовались дошкольные п/отделы.

Условия, в которых начали свою работу детские сады, были крайне неудовлетворительны, как в отношении помещения и оборудования, так и в силу неподготовленности персонала и переполнения детьми. (См. сводку работ 1-й губ. конференции по дошкольному воспитанию).

Губернский Дошкольный П/Отдел сорганизовался к 1-му января 1919 г. уже после начала работы в уездах: дошкольное дело начинало строиться непосредственно из мест, а не из центра.

Как особенность образования Губернского П/Отдела следует отметить привлечение в П/Отдел об'единенной группы педагогов, взявших на себя работу с условием предоставления им определенной самостоятельности в организации и направлении дошкольного дела.

Основной задачей своей деятельности эта группа поставила построение центральной дошкольной организации на следующих основаниях: 1) центр не может брать на себя организации дошкольного дела в общегубернском масштабе, но должен оказывать помощь местам и устанавливать связь в работе, 2) в работу на местах необходимо постепенно вносить педагогическое направление через работу с руководителями детских садов.

На основании этих соображений первою центральной работой П/Отдела явились курсы. В основу работы курсов, на которые были привлечены командированные с мест, в большинстве из рабочей среды, был положен принцип личной активной работы курсантов над простым жизненным материалом, с целью пробудить в них стремление к работе над своим образованием и выработать уменье самостоятельно мыслить. К этому присоединялось введение в вопросы дошкольного воспитания путем посещений детских садов, посещений педагогической выставки и бесед. (См. Очерк Вводно-Педагогических Курсов, Бюллетени Отдела Дошкольного Воспитания Н. К. П. №№ 5. 6, 7. 8).

Курсы продолжались 4 месяца и 43 курсанта по окончании курсов приступили к работе в детских садах.

Начиная с курсов, и дальше, в своей работе П/Отдел главные силы свои направил на работу с руководителями: работа конференций, совещаний, поездки инструкторов на места.

Через работу с руководителями над повышением их образования, над ознакомлением с вопросами педагогики, над повышением требований к себе, мыслился путь повышения уровня педагогической работы, превращения мест призрения детей в педагогические учреждения.

Рядом с этим велась работа по пробуждению самодеятельности населения, привлечению его к активному участию в жизни детского сада, и одновременно развивалась культурная работа с населением. Это выражалось в привлечении представителей фабрично-заводских комитетов на конференции, в разработке методов культурного влияния детского сада на окружающую среду.

Организующее влияние на дошкольное дело, кроме курсов, оказывали особенно следующие виды работы:

а) Устройство конференций всех дошкольных работников с представителями населения.

б) Устройство совещаний заведующих уездными п/отделами, совместно с представителями коллективов руководителей.

в) Поездки инструкторов на места.

г) Справочная работа П/Отдела.

д) Работа П/Отдела в области административной, финансов и снабжения.

В организационной работе П/Отдел руководился следующими принципами:

1. Учитывая отсутствие подготовленных работников и переживаемую страной хозяйственную разруху, в силу которой было неосуществимо достаточное материальное обеспечение детских учреждений, П/Отдел считал невозможным широкое открытие новых учреждений.

«Пусть учреждения создаются постепенно, но прочно и оправдают те средства, которые на них затрачиваются; принцип же призрения, обслуживания всех детей, не имея на то реальных возможностей, П/Отдел считает не только бесполезным, но и вредным для детей, так как скопляясь большими массами в помещениях необорудованных, без материалов для занятий и руководительских сил, дети получат лишь отрицательные навыки и впечатления». (Из резолюций 1-й губернской конференции).

2. П/Отдел считал напрасной тратой сил работу инструктора-гастролера, приезжающего в уезд раз в год и долженствующего распропагандировать население; вместо этого П/Отдел выдвигал принцип регулярной работы инструктора с определенным районом, предпочитая обслужить меньше уездов, но более постоянной помощью, выбирая те уезды, где ощущалась более насущная потребность в дошкольных учреждениях и где имелись живые местные силы, на которые можно опереться в работе.

3. П/Отдел придавал чрезвычайно важное значение согласованности и единому направлению всех мероприятий: инструкторской работы, справочной работы, курсов, конференций, совещаний.

При осуществлении организационно-педагогической работы, к задачам чисто педагогическим и организационным примешивались задачи управления, снабжения, финансирования,—неизбежные, поскольку П/Отдел является одним из органов государства.

Относительно этой работы возникает вопрос, насколько целесообразно такое соединение и даже насколько оно возможно; не страдает ли та или другая сторона, т.-е. административно-хозяйственная или организационно-педагогическая от их слишком тесной связи в работе? Поскольку вошедшую в П/Отдел группу сотрудников больше интересовала педагогика, постольку административно-хозяйственная работа велась отдельными толчками, за нее принимались как за неизбежное зло, когда жизнь остро ставила тот или иной хозяйственный вопрос. Получались неприятные отвлечения от организационно-педагогической работы, нарушавшие ее, и в то же время сама административно-хозяйственная сторона не получала планомерного развития. С другой стороны выделение административно-хозяйственной части в органы, слишком далекие от педагогических интересов, создавало ряд затруднений в практической работе.

Специальные отделы снабжения и особенно продовольствия относятся к делу слишком формально,—перед ними стоят не дети с их жизненными запросами и нуждами,—а мертвые списки, по которым можно уменьшить выдачу, сослаться на отсутствие тех или иных предметов у государства и на этом успокоиться.

Повидимому, разрешение этого больного вопроса приходится искать посредине между этими крайними положениями, в каком-то более целесообразном разделении труда.

Выдвигая определенные принципы организационной работы, сотрудники не считали их непогрешимыми,—они интересовались их проверкою и собирали материал из практики по этим вопросам. Имеются данные, подтверждающие, что дело является более прочным при органическом росте его, и, наоборот, слишком широкий размах приводит в некоторых случаях к разрушению, а в иных—к сильному сокращению дела.

Уже было отмечено, что совещания заведующих уездными П/Отделами и представителей руководительниц играли не только организационную роль, но и были местом, где проводилась работа с руководителями по педагогическим вопросам.

Работа их строилась следующим образом:

Начиная с половины 1919 г. (3-е совещание), на совещаниях начинают ставиться небольшие задачи, по которым собирается фактический жизненный материал.

При совместном обсуждении сообщаемых из разных мест фактов, проводится сравнение фактов, сходные факты выделяются, выясняются причины тех или иных явлений, делаются некоторые выводы.

Таким образом, работа совещаний принимает до некоторой степени курсовой характер, они ведутся в такой форме, чтобы участники привыкали самостоятельно искать разрешения выдвигаемых практикою вопросов.

Дальнейшее развитие этой работы привело к выделению из совещаний 2-х секций—одной по собиранию материалов по работе с населением, другой по вопросам труда в дошкольном возрасте. Работа этих секций велась на нескольких совещаниях, при чем в промежутках между совещаниями, которые собирались раз в 1½ месяца, действовали выделенные этими секциями постоянные группы.

В результате этой работы оказался собранным материал наблюдений, записей, протоколов, отчетов по тому и другому вопросу, представивший интерес для практических работников.

Между прочим, этот материал должен был послужить основою для работы предполагавшейся 4-й губернской конференции.

Конференции проводились тем же методом: вызывалась инициатива местных работников, сообщениям с мест придавалось большое значение; несколько вопросов обязательно разбиралось таким образом, чтоб по возможности большее количество присутствующих участвовало в их обсуждении, чтоб их разрешение намечалось путем самостоятельного размышления над данными личного опыта и сообщаемыми здесь же фактами.

Не отрицая значения докладов и сообщений на определенные темы, устроители конференций считали необходимым, однако, в работу конференций вносить возможно больше пробуждения самостоятельной практической мысли, а не стремиться к внедрению в умы слушателей тех или иных идей.

Ко всей работе курсов, совещаний и конференций можно применить слова Н. О. Масалитиновой: «Руководители, конечно, не отрицали готовой педагогической идеологии, но утверждали, что для каждого работника она становится ценной только через процесс работы». (Вводно-Педагогические курсы, Бюллетень Дошкольного Отдела Н. К. П. № 5—6. 1921 г.).

Дошкольная работа развивалась. К 1-му января 1920 г. было уже 16 уездных п/отделов, обслуживающих нужды 81 детского сада с 4.618 детьми, 250 руководителями и 121 лицом технического персонала. Эта работа пред'явила требования все более и более регулярной помощи со стороны центра как в области организационной, так и педагогической.

Исходя из того положения, что инструкторская работа должна иметь характер постоянной работы, руководители центра, естественно, пришли к мысли об организации подготовки инструкторов, понимая под инструктором—педагога-организатора, принимающего непосредственное участие в своей местной дошкольной работе.

В 1920 г. силы П/Отдела целиком были направлены на организацию и ведение инструкторских курсов по дошкольному воспитанию (10-го февраля—3-го июля, 17 курсантов).

В основу их положены были те же принципы самостоятельной работы курсантов, что и на первых курсах, только состав курсантов был из числа работавших практически в детских садах не менее года,—и содержание курсов соответственно иному составу и другим целям было другое, а именно:

а) Знакомство с идеями дошкольного воспитания путем посещений детских садов и проработки материалов педагогической выставки.

б) Проработка материалов Губернского Дошкольного П/Отдела, касающихся разных сторон его деятельности.

в) Анализ собственной организации курсантов.

г) Игра, рассматриваемая преимущественно с точки зрения наличия в ней элементов общественной организации.

д) Работа с книгой, как источником нужных знаний.

е) Сравнительное изучение анатомии и физиологии взрослого и ребенка.

ж) Изучение глины, как материала со стороны ее физических и химических свойств.

з) Рисование.

В результате курсов создалась организация курсантов, рассматривающая работу каждого, как часть общей работы всей организации, требовавшая, чтоб каждый член не только получал что-нибудь от этой организации, но и вносил в нее свою долю труда.

Первая работа курсантов на местах была проведена по общему заданию и заключалась в обследовании положения дошкольного дела в тех уездах, где курсантам предстояло работать, независимо от того, будет ли курсант работать в качестве инструктора или руководителя детского сада.

Эта работа внесла определенное расширение кругозора курсантов, она ставила их личную работу в связь со всей дошкольной работой в уезде, заставляла смотреть на свою индивидуальную работу, как на общественную работу. Дальше были рассмотрены на общих с'ездах курсантов планы работы каждого курсанта и даны определенные задания. Работа на местах начиналась курсантами с большой энергией и воодушевлением.

Установившаяся на курсах связь должна была поддерживаться постоянно работою оставленных в центре двух курсантов, входивших в состав Курсового Бюро, избранного курсантами.

То обстоятельство, что эту связь не удалось осуществить, об'ясняется теми условиями, в которых протекала в то время вся работа в центре, но, тем не менее это произвело удручающее впечатление на курсантов и создало некоторое разочарование в своих силах и вызывало сомнение в способности наладить свою организацию.

Конец лета и осень 1920 г. является переходным периодом в организации дошкольного дела в губернии, отразившимся на ходе его развития.

Это — период слияния губернской работы с городской, слияния, вызванного не мотивами, вытекавшими непосредственно из нужд дошкольной работы, но соображениями высшего порядка, связанными с проблемами государственного строительства.

Надо, впрочем, указать на то, что городской и губернский П/Отделы еще ранее проделали шаги к взаимному ознакомлению с работой и согласованию планов своей деятельности при участии и помощи в этом деле 1-й Опытной Станции по Народному образованию. (См. протоколы совещаний по созданию Об'единенного Бюро дошкольных организаций, имеющиеся в Н. К. П.).

Тем не менее, полное и спешное слияние работы вызывало ряд трудностей.

Прежде всего само построение работы в общегубернском и городском масштабе представляло организационные трудности в силу, с одной стороны, разных условий работы в уездах и в городе, с другой—просто в силу увеличения масштаба работы. Для пояснения может быть проведена геометрическая аналогия: с увеличением окружности расстояние от центра увеличивается. Поэтому за этим слиянием должно неизбежно последовать отдаление районов и уездов от центра и приобретение ими большей самостоятельности. Правильно ли это утверждение, должно показать положение дела в настоящее время и ближайшем будущем.

Во-вторых, происходило слияние не только руководящих организационно-педагогических центров, но и обслуживающих аппаратов, ведающих финансами, снабжением, продовольствием; это слияние происходило медленно, некоторое время царил организационный хаос. Налаженные связи и установившиеся традиции были порваны,—предстояло снова проделывать громадную организационную работу, которую вынесли на своих плечах сотрудники губернского центра при начале организации П/Отдела. Этого требования новой организационной работы в неорганизационной среде они не смогли выдержать, тем более, что их интересы влекли их больше к работе научно-педагогического характера.

Установившиеся связи с местами, желание безболезненно перевести дело в новые организационные формы, и продолжать начатую педагогическую работу заставило группу центральных работников оставаться на работе до тех пор, пока хватало силы, и удержало их от ухода из П/Отдела тотчас после слияния.

Выполнили ли они свою задачу по отношению к дошкольному делу и правильно ли действовали,—местные работники должны были бы иметь данные для суждения об этом.

В этих условиях переорганизации всего дела, — задача сохранить курсовую организацию оказывалась чрезвычайно трудной. Оставшиеся в центре курсанты поневоле вовлекались во все организационные затруднения, испытывали тягости от неопределенности организации, отвлекались неотложными текущими делами, терялись перед непосильностью соединить вхождение во все стороны городской работы с обслуживанием нужд губернии. Сохранить связь с курсантами, продвигать работу курсовой организации и заботиться

об организации дела во всей губернии,—мысль об этом была поставлена перед курсантами,—являлось непосильным для них. В результате получился упадок энергии и веры в свои силы.

К общему неустройству прибавлялась неприспособленность нового аппарата к с'ездам, совещаниям, к выдаче справок местным работникам, что вызывало со стороны последних раздражение при приездах в центр.

На этом общем фоне сыграли свою роль также и другие условия, как разлаженность транспорта, препятствующая поддержанию связи с уездами, и материальная необеспеченность работников центра, не дававшая возможности привлечь новых сотрудников.

Все это вызывало чувство распада прежней организации. Еще недостаточно окрепшие в работе курсанты и уездные работники, почувствовали себя беспомощными в новых условиях, это в частности сказалось на одном из губернских совещаний, на котором по сложившимся внешним обстоятельствам отсутствовали прежние руководители центра.

К этому надо добавить, что была некоторая разница, скорее чувствуемая, чем поддающаяся точной формулировке, в методах организационно-педагогической работы, проводившихся Городским и Губернским П/Отделами, сказывавшаяся напр., в разном взгляде на способ ведения совещаний и конференций.

Однако, несмотря на эти трудности, пройдены были дальнейшие этапы, вытекающие из предыдущей работы.

Намечена была в качестве одной из мер, облегчающих положение уездов, организация взаимопомощи уездов (взаимные посещения, общие конференции и т. п.).

Начата работа на совещаниях заведующих уездными п/отделами по разработке планов дошкольного дела в уездах, с учетом общего числа детей дошкольного возраста, имеющихся средств и педагогических сил.

Положено было начало учреждению, которое в новых условиях об'единенной работы должно было сыграть крупную роль: был разработан план и начата работа Справочно-Консультационного Бюро.

Подводя итоги всей двухлетней работе, мы можем выдвинуть следующие положения:

1. Направление всех сил на работу с педагогами-руководителями (курсы, совещания, инструкторские поездки) было правильно: этим создано живое движение, повышение требований к себе и к условиям работы, стремление к самообразованию, а это, естественно, ведет к повышению уровня педагогической работы.

2. Для педагогической работы необходим п р о ч н ы й материальный базис (помещение, оборудование, снабжение, питание), без наличия которого педагогическая работа тормозится внешними условиями, отвлекающими на борьбу с ними и без того недостаточные педагогические силы.

3. Работа по наблюдению детской жизни и по собиранию материалов, хотя бы в самых элементарных формах, возможна только с постоянным неменяющимся составом работников и в достаточно оборудованных учреждениях.

В виду невозможности выполнить это требование в скором времени, по отношению ко всем дошкольным учреждениям губернии выдвигается мысль о выделении для вышеуказанных целей опытных учреждений и опытных районов.

4. Органический рост дела, основанный на учете реальных сил и средств, является путем, приводящим к более прочным результатам, чем широкое развитие дела, отсюда вытекает требование чрезвычайно осторожного отношения к открытию новых учреждений.

5. В курсах, в их организационной части должно быть обращено внимание на организацию последующей практической работы курсантов, при чем выяснилась необходимость сосредоточения на их работе группами, создавая об'единяющий их центр; учреждения, в которых курсанты ведут практическую работу, должны быть в ведении или находиться под руководством центра, устраивающего курсы. (Относительно метода курсов, см. вышеуказанную статью Н. О. М а с а л и т и н о в о й).

Учитывая то положение, которое в последнее время создалось в губернии в связи с об'единением с городской работою, мы считаем, что центральные органы МОНО постепенно подходят к разрешению задач—административно-хозяйственных, что является основою для педагогической работы.

Но, что касается педагогического руководства, то при новом масштабе работы, таковое могут выполнить только специально созданные центральные педагогические учреждения (курсы, библиотеки, справочно-консультационное бюро и т. п.),—и даже не отдельные учреждения, а связанная с и с т е м а центральных учреждений.

Дальнейшая работа, по нашему мнению, должна итти именно в этом направлении—постепенной постройки педагогического центра, связанного с практической работою, или, если это сейчас не под силу, то ряда более мелких педагогических центров, но зато ближе стоящих к работе районов и уездов.

Л. Скаткин.

Домашняя жизнь московских детей.

Наблюдая детей, как посетителей читальни при Институте по детскому чтению и слушателей наших рассказываний, мы почувствовали потребность познакомиться с их домашней жизнью.

В виде пробы мы обошли в течение недели 36 семейств. Дети обычно боятся наших визитов к их родителям (когда случается чрезвычайное озорство или пропажа книг).

На этот раз мы их специально предупредили, что придем только посмотреть как они живут, а жаловаться ни на что не будем. Предупреждение хорошо подействовало: почти все захотели, чтобы к ним пришли. Некоторые, впрочем, стеснялись своей бедной или грязной обстановки; лишь два подростка-хулигана постарались прямо помешать нашему визиту к их домашним.

В двух-трех семьях мы натолкнулись на холодный прием и осторожность в разговоре; везде в других местах встречали приветливо и беседовали охотно и откровенно.

Вопросы, которые обследователи держали в своей голове (мы условились не иметь в руках анкетных листов)—следующие:

1. Состав и количество семьи. Семейные отношения.
2. Занятия взрослых до войны и в настоящее время.
3. Занятия детей.
4. Грамотность и образованность взрослых.
5. Если дети не учатся, то почему.
6. Отзывы родителей о школе.
7. Общие доходы семьи.
8. Основная пища и откуда берут продукты.

9. Жилище, обстановка, гигиенические условия.
10. Признаки культуры, эстетики, благосостояния.
11. Общий тон жизни.
12. Отношение к детям и обращение с детьми.

Так как нам не хотелось быть назойливыми и нескромными и мы предпочитали ничего не записывать во время посещения, то точных сведений по всем пунктам у нас не собралось. Но получился все-таки ряд определенных впечатлений от кусочка современной московской жизни.

Жилища.

Квартиры, которые мы обследовали, расположены по переулкам между Маросейкой и Покровским бульваром.

Дома попадались разных типов. Особенное впечатление производили дома-развалины. Вот описание одного из них, в котором живет 26 семейств, с детьми, посещающими нашу читальню. В этом доме мы посетили 14 семейств.

Каменный 2-х этажный, с антресолями,—фронтон с колоннами,—когда-то богатый особняк. В позднейшее время обстроен каменными флигелями с мелкими квартирами. В настоящее время все владения похожи на разлагающийся труп. Часть помещений разрушена, высажены рамы, выломано все деревянное. Разрушенные помещения превращены в клозеты и мусорные ямы. Во дворе кучи отбросов, грязь, подозрительные лужи. В непосредственном соседстве с разрушенными—жилые квартиры. Дом кишит жильцами. Поднимаясь в совершенной темноте по лестницам без перил (перила сломаны), с узкими, скользкими ступенями — легко упасть и тогда попадешь прямо в клоаку, образовавшуюся внизу. Темные и холодные коридоры полны сырости и грязи. Некоторые комнаты похожи на какие-то сырые, закоптелые дыры. В каждой куча людей и скарбу. Есть квартиры без уборных (уборные загрязнены и сломаны). Вместо уборных жильцы таких квартир пользуются двором. Дом этот в непосредственном соседстве с Институтом по детскому чтению и приходится вести постоянную войну с его жильцами, систематически загрязняющими двор Института. Дети, обитающие в этой трущобе, привыкают к нечистотам. В них постепенно атрофируется чувство стыда и опрятности. У одного мальчика уши и руки буквально заросли грязью: «Я три дня не мылся, и то чище тебя» хвастается другой.

Одного, который умывался на ночь, напугали.—«Правда ли, что на ночь грех умываться?»—спрашивал он у нас. Этот дом—поставляет в нашу читальню основной кадр маленьких хулиганов, с которыми мы часто совершенно бессильны справиться.

В нашем обследовании мы натолкнулись еще на один дом, подобный этому, но меньших размеров.

Остальные дома были обычного типа, за исключением двух богатых домов со вселенными в них мелкими жильцами.

Типичная в этих домах неприспособленность больших и роскошных комнат к потребностям мелкого люда.

Из 36 обследованных семейст 24 занимают по одной комнате. (В среднем 5 чел. на комнату, максимум — 9 ч., минимум—3 ч.). 7 семейств занимают по 2 комнаты (2—3 чел. на 1 комнату) и только 5 очень многочисленных семейств имеют больше 2-х комнат; в таких случаях комнаты обычно крошечных размеров.

5 помещений находятся в подвальном этаже, 3—на чердаке, 4 семьи живут в проходных комнатах; 5 семейств делят комнату с жильцами.

Обстановка.

Высший комфорт, на который мы натолкнулись, это число кроватей равное числу членов семьи (в 5-ти семействах). В 8-ми квартирах на всю семью полагается 1 кровать. В 2-х случаях туберкулезный больной спит на одной кровати вместе с здоровыми членами семьи; 15-ти летнему мальчику приходится спать на одной кровати с матерью и сестрами. Мать сообщает, что ему стыдно раздеваться при девочках.

Признаки мягкой мебели нашлись также лишь в 5-ти семьях. Обычно обстановка сборная и случайная. Вместо мебели скарб. В одной квартире ничего не было, кроме кровати и стола. Некоторые квартиры бросались в глаза своей обнаженностью. Это в тех семьях, где долгое время уже существуют продажей вещей.

Относительную опрятность и уют встретили в 16 случаях, в 12-ти случаях натолкнулись на чрезвычайную грязь.

Отсутствие белья, или белье загрязненное и заношенное, загроможденность комнат скарбом: дровами, мешками с картошкой, закоптелые от печурок стены.

Опрятность не всегда совпадает с достатком. Самая богатая семья оказалась очень подозрительна в смысле чистоты, в интеллигентной семье обедали на ничем не прикрытой плюшевой скатерти, заливая ее супом, а семья, где дети плачут от голода, содержит свою крошечную переполненную людьми комнату в образцовой чистоте.

С одеждой неблагополучно во многих семьях. В 8-ми семьях—острая нужда: дети раздеты или разуты. Недостаток обуви—обычная причина непосещения школы. В 3-х семьях девочки-подростки франтят за счет питания: «лучше поголодать, да одеться».

С **питанием** обстоит дело так:

8 семейств питаются обильно. (Владельцы ящичной мастерской, собственной прачешной, 3 спекулянта, железнодорожн. комендант, поддержка деревенской родни, пользуются продуктами столовой, в которой служат).

10 семейств изредка имеют мясо или жиры.

14 семейств питаются картофелем и отчасти хлебом.

4 семьи явно голодают.

Топливо, обыкновенно, происхождения незаконного: «приносят со службы», или таскают дети.

Средства к существованию:

На советской службе состоит большинство (15 мужчин, 16 женщин, 5 детей до 17 лет), но служба эта никого не обеспечивает, а лишь гарантирует некоторые льготы (карточка А, прием детей в детский сад, освобождение от трудовой повинности), или делает доступным некоторые доходы (привоз провизии, взятки, тасканье дров и т. п.). Эти «доходы», или спекуляция, уличная торговля, поденная работа, иногда мелкое ремесло, часто продажа вещей, в 4-х случаях связь с деревней—основные источники существования.

Лишь в 5-ти случаях семья живет по старой норме: отец добытчик, мать хозяйничает, дети учатся.

В 15-ти случаях работают или оба родителя, или отец и взрослые дети, или и родители и взрослые дети.

В 7-ми случаях семью кормит одна мать поденной работой или спекуляцией и продажей ранее нажитых вещей.

В 9-ти случаях прибегают к труду малолетних детей,—в 4-х из этих случаев детский труд является основным источником существования семьи.

По материальному состоянию обследованные семьи можно разделить на три типа:

1. Бедность граничащая с нищетой — 12 семейств, в среднем по 4 ребенка на семью.
2. Сводят концы с концами—15 семейств, в среднем по 3 ребенка на семью.
3. Имеют достаток—9 семейств, 1—2 ребенка на семью, или взрослые дети участвуют в содержании семьи.

По внутренней динамике:

1) Семьи приспособившиеся и наживающие—таких не больше пяти.

2) Сохраняющие равновесие—таких большинство, и

3) Скатывающиеся вниз—12 семейств. Причины упадка: общая неприспособленность, многосемейность, вырождение, болезни, внутренний распад семьи: смерть или уход мужа, разорение в связи с революцией.

Украшение и эстетика.

Только в 3-х еврейских семьях и одной русской, где отец «с 28 лет атеист» нет икон.

Иконы обычное и часто единственное украшение жилища.

Идейная и энергичная коммунистка-работница, на вопрос, почему у ней иконы, отвечала: «одно другому не мешает».

Под образами иногда висят нравоучительные картины: «Адам и Ева в Раю», «Ступени человеческой жизни», «Евстрафий Плакида», иногда военного содержания, а изредка встречалась какая-нибудь «красавица с букетом роз» в раме. Художественные открытки, которые украшали стены в одной семье, оказались украденными из читальни Института по детскому чтению.

В семье, где тон задают девочки подростки, стены украшены изображениями Мадонны и цветов.

Лишь в одной семье натолкнулись на признак интереса к художественным картинам: на стене висели вырезанные откуда-то снимки с картины Перова: «Утопленница» и Сомова: «Дама в розовом».

В пяти случаях на стенах висят детские рисунки.

Обычным украшением служат фотографические карточки в рамках и бумажные цветы.

Иногда попадались остатки прежнего великолепия: кружевные занавеси и простыни, тарелочки, вазочки, статуэтки и т. п.

Книги встретились в 13 семействах.

Детские книги—7 случаев.

Учебники—5 случаев.

«Божественные»—3 случая.

Сочинения русских писателей—3 случая.

Политич. содержания—1 случай.

Много разнообразных—1 случай.

В одном случае книга оказалась украденной из нашей читальни.

В пяти случаях книги берутся или из библиотеки, или из школы.

Обычно характер книг совершенно случайный, и качество убогое.

Малограмотная мать, любительница чтения, покупает своему 10-летнему сыну, плохо владеющему механизмом чтения, «Анну Каренину». Недовольна, что он «скучает читать».

Мать-коммунистка в качестве книги-картины для своей неграмотной 8-летней дочки употребляет сочинение Коллонтай.

Два мальчика-брата зачитываются взятым у дяди сочинением под названием «Кровавый трон».

Отец интеллигент: много всяких книг, которые мальчик глотает без разбора.

Один раз встретилась и сознательная заботливость о детском чтении: отец—конторщик, сам не получивший образования; несмотря на то, что еле сводит концы, покупает детям дорогие книги, стараясь выбрать подходящие к возрасту. «В царстве сказок» Чирикова, «Ранние грозы» Ждановой, «Альбом животных», 2 тома детской энциклопедии.

Детский мир почти не выявлен в быту обследованных семейств. Следы особой детской жизни нашлись лишь в 9-ти семьях. Уголок с жалкими игрушками, или кучка учебников и рисунков на столе или на окошке, иногда коробочки из-под конфет, картинки, цветочки, яички где-нибудь на полочке или на стене... На детскую самодеятельность натолкнулись в 2-х случаях: один мальчик смастерил себе балалайку; второй случай, где отец покупает много книг,—10-летний мальчик работает над устройством игрушечного зверинца; этот же мальчик показал деревянный кораблик собственной работы.

Образование и духовная жизнь.

Уровень образования родителей не высок: отец с высшим образованием—один случай; мать с полным средним образованием—два случая; встречаются не окончившие среднюю школу; большинство—начальное образование или самоучки; несколько матерей неграмотны.

Желание учить детей—всеобщее, но в большинстве случаев пассивное.

$^{1}/_{3}$ детей школьного возраста в обследованных семьях школы не посещает.

Или нет обуви, или занимаются торговлей. Продажа пышек, тянучек, семячек и папирос—обычный заработок детей.

Матери иногда сами конфузятся торговать и «шпекулянить», но детей посылают. Торговля—модное занятие в детском мире. Мальчики и девочки из более обеспеченных семейств мечтают о торговле, торгуют тайком от родителей, манкируя школой. Около каждого маленького купца вертятся завистливые товарищи...

В 2-х случаях детей взяли из школы, потому что ввели плату непосильную для семьи.

В 7-ми случаях со стороны родителей заявлено резкое недовольство школой: «не учат», «учителя не приходят», «учат не делу: гимнастику—танцевать», «берут плату, нет учебников», «если они еще плату будут брать, выйду на улицу с ножем, резать стану»—крикнул один озлобленный отец.

К детскому саду относятся сочувственно. «Артелями живут, разве плохо?»—заметила одна мать.

Отношение к посещению ребятами читальни Института в большинстве случаев равнодушно сочувственное.

У неграмотных матерей иногда скептицизм довольно равнодушный: «Все лучше, чем на улице бегать». Тот отец, который покупает детям книги, заставил меня прочесть целую лекцию о значении Института, на другой день сам пришел к нам и просидел в читальне часа два. После этого стал пускать и свою маленькую дочку, которую раньше не решался пускать.

Наши посещения, несомненно, расположили многих недоверчивых в пользу читальни.

Отзвуки в семье детских впечатлений в связи с жизнью в читальне довольно часты.

Дети любят рассказывать дома содержание книг и прослушанных рассказов их особенно поразивших.

Девочка и мальчик в одной семье долго говорили про страдания боярыни Морозовой, жизнь которой им была рассказана в читальне; один мальчик накануне нашего посещения до 12 ч. ночи рассказывал малограмотным родителям «Князя Серебряного». Часто пересказывают сказки. Но родители не всегда расположены слушать. «Ребятишки надоедают своими рассказами»... говорят матери.

Изредка бывает, что сами родители читают и рассказывают детям.

Одна добродушная вдова—дворничиха, у которой шестеро ребят, сообщила, что всегда рассказывает им сказки, когда в головах ищет. В голодной семье чернорабочего мать

любит читать и рассказывать детям. Мать «из немок», бывшая бонна—учит мальчика «делить и умножать», другая заставляет читать немецкие книги. В 2—3 семьях заставляют читать божественное и ходить в церковь, но довольно бесплодно. Божественные книги, которые встречались нам в семьях—обычно тощие современные брошюры, лишь в одной семье нашлась Библия и псалтырь. Если у родителей и сохранился старый культ, уже обычно достаточно выветрившейся, то дети к нему совсем равнодушны. Отзвуки современных реставрационных попыток в области религии замечены были в одной семье, в которой мальчик и девочка ходят на собрания армии спасения,—им нравится поэтическая сторона этих собраний.

В отношении партийной и общественной жизни обычно—безразличие.

Как исключение: отец коммунист втягивает в общественную жизнь и свою голодную семью (дети устраивали в момент нашего посещения спектакль в пользу голодающих); в другой мать коммунистка жаловалась на неприязнь к ним соседей обывателей; в 3-й семье, пролетарской, чувствуется связь с жизнью коллектива своей фабрики.

Нашу сотрудницу здесь пригласили на детский праздник своего клуба. Все захвачены музыкой, декламацией, пластикой; интересуются Айседорой Дункан и ее студией.

В одной еврейской семье почувствовался интерес к сионизму.

Вот все, что подметили мы из области духовной культуры.

Еще ряд впечатлений от семейных нравов.

Семейные отношения.

Большое положительное впечатление это—трезвость.

Исчезновение пьянства в общем сильно выпрямило семейные нравы.

Из 19-ти семейств, в которых живы оба родителя, в 15-ти чувствуется любовь и внутренняя связь.

В 12-ти семьях отцов нет. 9 случаев—отцы умерли, 3 случая—завели себе новую семью.

В 5-ти случаях овдовевшая мать крепко держит семейную связь—чувствуется и уют и любовь.

В 2-х случаях матери вдовы—завели себе сожителей.

В семьях, где отцы ушли, личная драма матери и новое счастье отца—сильно отражаются на детской психологии. Во всех трех семьях—мальчики захвачены уличной богемой—«хамлеты», по выражению одной матери.

Обнаженность жизни действует на детей и в тех случаях, где мать на глазах у них устраивает себе новое счастье. Во всех этих семьях чувствуется центробежная сила, влекущая ребят на улицу.

Отношение к детям в общем, пожалуй, чересчур мягкое «без режима».

Битье детей, как система, встретилась в 2-х, 3-х случаях. Чаще ребятам попадает от нервности, измученности и усталости старших. В 16-ти семьях к телесному наказанию совершенно не прибегают.

Там, где в семьях налицо любовная, крепкая связь—чувствуется внутренний режим, чрезвычайно благотворный для детей.

В тех случаях, где эта связь ослаблена, или отсутствует, или заменена внешней строгостью, там сейчас же начинает угрожать опасность улицы.

Опасность эта в сущности висит над всеми такими коматными жильцами, в переполненных случайными соседями квартирах, с грязными дворами, на которых кишат стайки удалых «огольцов».

Ребенку в этих заваленных скарбом комнатах некуда деться. Если он живой, ищет детского общества, он неизбежно попадает к «огольцам» и богема так или иначе зацепит его. Опасность не в том, что он привыкнет курить, ругаться, разбойничать и воровать на улице. Непоправимый вред — это цинизм души, своеобразный детский нигилизм; разнузданность всех инстинктов и расшатанность всей нервной системы; возвращение в дикое состояние без его мощи. Уличная богема не всех детей превращает в явных преступников и босяков, но буквально на всех кладет неизгладимые и неизлечимые следы.

Наши впечатления от семейной жизни детей, которые мы получили в результате этого обследования, также, как и наши ежедневные впечатления от жизни детей в читальне все замыкаются господством улицы.

Ни семья в безобразных условиях современной русской городской жизни, ни жалкие организации нашей культуры и общежития не в силах конкурировать с ее могучей властью.

Разобраться в основных элементах этого сильнейшего фактора современного воспитания московского ребенка нам кажется совершенно необходимым.

И следующие исследовательские попытки представляются нам именно в области уличной жизни детей, хотя здесь пути совсем новые и гораздо более трудные.

А. К. Покровская.

Голод и дети.

По Чувашской области.

(Из путевых заметок делегатки Москов. Совета Р., К. и Кр. Д.).

Мы выехали из Москвы в первых числах декабря с продовольственным маршрутным поездом Моск. Губ. Комис. Помощи Голодающим в составе 5-ти вагонов. Два слова об отправке—готовился поезд в течение 2 недель. Три дня мы стояли на Сортировочной, несмотря на аршинные мандаты, бесконечные телефонные звонки по всем инстанциям и направлениям, и пять дней мы ехали до Шихран, пути до которых максимально не более двух суток; по дороге, на запасных путях мы встречали бесчисленное множество грузов, направляемых как и наш для спасения детей и печально дожидающихся по 2—3 недели благодетельного паровоза.

Если бы наши железнодорожные власти подумали бы о том, что каждый лишний час, который такой груз стоит в ожидании, уносит несколько детских жизней, они бы поняли весь размер своей преступной халатности; товарищи железнодорожники, от стрелочника до высшего начальства, на вас лежит тяжелая ответственность за тысячи маленьких жизней.

Вся дорога до Шихран запружена беженцами. Из окон теплушек выглядывают бледные, опухшие лица—эти ищут спасения в бегстве; у других—более веселые лица: это возвращающиеся обратно, сумевшие где-нибудь раздобыть пару мешков муки и спешащие с ними к своим семьям. Вот и Шихраны—узловая станция, на которую прибывают все грузы, направляемые в Чуобласть и в Татреспублику. На свисток паровоза сбегаются толпы окрестных жителей с трепетным вопросом «куда груз, дальше или сюда для них»—груз остается, он для них, и весть об этом молние-

носно из уст в уста облетает все население. Начинаем выгружаться — уже собрались представители всевозможных организаций, а население плотным кольцом окружает нас и вагоны и плачет, тихо покачивая головой. Они знают, что это не для них, что это не спасение, но плачут от радости за тех несколько сотен детей, которые будут быть может спасены. Все работают безвозмездно: грузчики, покачивающиеся от слабости под тяжестью мешков муки, возчики с лошаденками такими же истощенными—как и их хозяева, развозящие продовольствие вглубь на 60—80 верст. И при этом не пропадает ни зерна.

На другое утро уже с 6 часов во дворе дома, где мы остановились, стали собираться крестьяне. «Калинина приехала детей спасать» передается друг другу и они пришли к ней, чтобы спросить, только спросить, можно ли спасти их детей, и если нельзя, как ускорить смерть, чтобы не видать их мучений. Мучительные, душу раздирающие рассказы и вопросы. Подходит женщина. Ее ребенок с'ел три пальца из своей руке и она в смущении спрашивает останется ли он жив, если будет продолжать об'едать себя. Ни просьб, ни требований, ни особых желаний—безропотная покорность судьбе. Едем по волостям, кругом живые кладбища—вот село на 120 домов, на улицах ни души, масса заколоченных изб. В некоторых вымерли все.

Обитатели из других бежали на «новую землю»; где остались одиночки—перешли к соседу—тяжело одному. Заходим в избы: пустота, посреди стоит ступа в которой ослабевшие обитатели по очереди толкут солому на лепешки. В углу слепой, опухший от голода ребенок, протягивая ручонки, просит без слов. Другая изба: четверо детей лежат на голом полу. застывшие, еле дышащие, на столе еда: лебеда и глина. Дальше—маленькая избушка, четверо детей и двое стариков—молодые уж погибли, на столе песок. вода и камни, едят песок. запивая водой и сосут камни, обманывая желудок. Следующая картина: в избе ребенок 10-ти лет и труп женщины—это его мать, он сидит у ее изголовья несколько дней, скрывая ее смерть и ожидая своей очереди, чтобы умереть рядом с ней. Школа—бледный опухший учитель и такие же ученики; в руках гусиные перья или оточенные угольки вместо карандашей, пишут на старых газетах. На наш удивленный вопрос «как могут учиться и почему учатся», отвечают: «если будем учиться у нас откроют столовую», а девочка лет 13 прибавляет: «нам теплее вместе и не так печально видеть как плачут наши родители, а если кому сделается плохо мы его уводим».

Надо заметить, что решено в первую очередь открывать столовые при школах и все школы потому работают. Детский дом: 6 человек детей в одной избе, на голом полу, без одежды и обуви—это сироты, самые счастливые: они получают паек.

А вот детский сад: битком набита изба детишками до 8 лет—это вторая категория счастливцев. Когда приходят грузы, детские сады открыты и их кормят, грузов нет и до их прибытия детей распускают по домам, на лебеду и глину. Последней мы посещали больницу: «у нас никто не выздоравливает, хотя мы их кормили» с горькой усмешкой говорит врач.

Другие села—те же картины, иногда более жестокие. Живые завидуют уже погибшим.

На обратном пути к городу встречаются целые обозы: «куда направляетесь?» 150 подвод с лошадиными кожами—«в Орловский кооператив за хлебом».

Возчики идут угрюмо, с поникшими головами. Чуваши любят скот, лошадь это член семьи и потеря ее, оплакивается как смерть дорогого существа.

А вот более веселая встреча: «что везете»,—«продовольствие в столовые от правительства». звучат радостные голоса

Сам город Шихраны оживлен, «промышляет»,—приезжие кулаки, спекулянты со всяких губерний налетели за скотом. Есть базары с обилием продуктов.

В детских учреждениях «лучше» чем в селах, дети спят на кроватях по шести человек на каждой—одна смена белья. Грязь, вши, холод.

Когда мы уезжали, все то же плотное кольцо населения окружало наши вагоны, все также тихо, ничего не прося и только тихо повторяя: «спасибо Московским рабочим и крестьянам».

Рабочие и работницы Москвы, крестьяне Московской губернии, смею ли я передать вам эту благодарность.

А. Калинина.

Помощь детям-беженцам.

Ужас надвигающегося голода уже в июле заставил сняться с мест беднейшее население, не имевшее никаких запасов, и искать спасения в беспорядочном бегстве. В начале августа на улицах Москвы стали появляться группы детей, едва прикрытых грязными, вшивыми лохмотьями, шатающиеся от истощения и требующие немедленной помощи. Центром, куда стекались эти детские массы, был Моск. Совет. 15-го августа Президиум М. С. предложил МОНО организовать помощь детям-беженцам, предоставив ему для центр. детского приемника б. Покровский госпиталь. Но к сентябрю беженство приняло такие размеры, что потребовалось создание особого органа—комиссии помощи голодающим детям, на которую возложено было определенное задание: прием и размещение прибывающих детей. Надо заметить, что кроме детей-беженцев Москва обязалась принять 500 чувашских сирот, вывезенных организованно из Чуобласти, и забота о них была также возложена на комиссию. В кратких цифрах работа комиссии за период с 15/XI по 15/XII выразилась следующим образом: через Покровский детский приемник прошло 3.925 чел. Из них 820 чувашей привезенных организованно, 105 мордовских и латышских детей вывезенных домами, а остальные 3.000, это—«самотек», бегущий стихийно, хаотично. Среднее поступление самотека в ноябре было 30 ч. в день, в декабре—45 ч. и цифра эта имеет тенденцию повышаться. Делая приблизительный подсчет, надо думать, что к маю Москва может иметь до 10.000 детей-беженцев. Вести с мест вполне подтверждают это предположение: безвыходность, безнадежность гонит все более или менее активное «на новую землю», как говорят чуваши, заставляет видеть единственное спасение в бегстве. Каковы же материальные рессурсы комиссии? У каждого, естественно, подвертывается ответ: а бесчисленные отчисления, пожертвования и т. д.? Действительно, до декабря средства шли в комиссию, главным образом, из фондов пожертвований и отчислений Губернской Комиссии помощи голодающим. Но состоявшееся в начале декабря Всероссийское совещание Комиссий помощи голодающим нарисовало такую ужасную картину голодных мест, такой малый приток помощи из благополучных губерний, где иногда до 70% собранных средств тратились на помощь беженцам, что ни у кого не поднялась рука против предложения все собранные средства бросать на Поволжье, выделяя в пользу беженцев в крайнем случае не более 10%.

Комиссия помощи голодающим детям наметила себе теперь другой путь: привлечение общества к содержанию детей-беженцев. Каждый гражданин, выделяя часть своего пайка и жалованья для гибнущего Поволжья, обязан протянуть руку помощи беспомощным маленьким созданиям, каким-то чудом добравшимся до нас. Они сделали последнее усилие. Последнее и-

пряжение всех своих физических и психических сил и они не могут обмануться, что здесь их спасение. У государства нет средств, все, что есть, бросается туда, значит забота об этих детях лежит на нас, на обществе. И в этом направлении комиссии удалось уже добиться определенных результатов. Сначала прибывающие дети размещались в учреждениях МОНО и РОНО, уже существующих, или в новых домах, специально для этого создаваемых. Затем стали появляться организации и коллективы, из'явившие желание взять на свое содержание то или другое количество детей. В большинстве случаев предлагались пайки и отчасти денежные средства, оборудование же дома и часть обмундирования комиссии приходилось брать на себя. Таким образом был с дан ряд домов, прикрепленных к организациям, и надо сказать, что не только материальную помощь приносят они своим питомцам, но и любовь и ласку, стремясь создать тепло и уют обездоленным детям.

До настоящего времени размещено в детских домах 2.091 ч. Из них на питании и отчасти содержании коллективов—1.227 ч., остальные пока еще на государственном снабжении. Государственных пайков комиссия имеет только 2.000.—Из них 1.200 забранировано за Покровским приемником, следовательно в будущей своей работе комиссии придется опереться исключительно на общественную помощь. Этих 10.000 детей должно кормить само население и не только кормить—оно должно знать, что это его дети, «мирские дети», эти вырванные из рук смерти кусочки жизни, наше будущее; своим вниманием, своей любовью, мы должны стереть ту трагическую печать, которую пережитый ужас наложил на их бледные личики. Когда вы проходите по угрюмым, неуютным палатам б. Покровской общины, вас поражают эти широко-раскрытые недетские глаза, таящие в себе отражение виденного там, на местах, для описания чего нет слов достаточно сильных. Их надо отогреть, надо разогнать тяжкую печаль, нависшую над их юными душами, надо залечить глубокую рану, нанесенную их хрупкой психике, и особенно чутко должен отозваться на это педагогический мир Москвы.

Л. Басиае.

С'езды и конференции.

Второй Всероссийский Дошкольный С'езд.

Работа 2-го всероссийского дошкольного с'езда намечена была в двух направлениях: заседания пленума и секционная работа, долженствующая подвести итоги тому, что сделано было за четыре года дошкольной работы и м. б. наметить вехи на будущее, представляющееся достаточно туманным в виду переживаемого дошкольниками острого момента в связи с экономическим кризисом страны.

Центр тяжести предполагался как раз в секционной работе и потому пленарные заседания были ограничены тремя докладами если, впрочем, не считать доклада т. Луначарского, касающегося обще-государственной политики.

Первым шел доклад Д. А. Лазуркиной: «Об итогах дошкольной работы и задачах на будущее»; охарактеризовав те условия, в которых протекала дошкольная работа, отметив дефекты в жизни наших дошкольных учреждений и среди них главный—отсутствие подготовленных работников, докладчица наметила ряд положений, с которыми необходимо считаться в будущем. Положения эти касаются как личности педагога, так и самого типа дошкольного учреждения. Считая наиболее совершенною формою дошкольного учреждения в настоящий момент детский дом, докладчица, в силу целого ряда экономических и психологических предпосылок, не настаивала на немедленном осуществлении этой формы, предложив как временный компромисс длительный детский сад.

Много внимания было уделено в докладе работникам дошкольного дела, их подготовке, роли в дошкольных учреждениях, а так же и в общем строительстве. Оторванность педагогов от жизни, их замкнутость привели к тому что и дошкольные учреждения также ушли от жизни и не отвечают ни современным требованиям, ни условиям, в силу чего детский сад является в настоящее время чем-то отжившим. Образованность и сознательность педагога, знакомство его с современными требованиями жизни—вот в чем залог правильной постановки дела дошкольного воспитания, для которого необходимо всем без исключения дошкольным работникам максимально напрячь свои силы. Этого требует тяжелое положение страны, а также и фактическая постановка дела дошкольного воспитания.

Следующим докладом в пленуме был доклад П. П. Блонского, разобравшего три системы дошкольного воспитания. По мнению докладчика наиболее жизненною и отвечающею моменту является давно позабытая система Фребеля, исходящего в своих предпосылках из социалистического начала. Уделив некоторое внимание системе Монтессори, отметив ее положительные стороны, докладчик выразил мнение, что этой системе не место в русской действительности. Что же касается системы свободного воспитания, которая по мнению П. П. Блонского, превалирует в практике дошкольного воспитания, то не взирая на ее некоторые положительные стороны, отрицательное влияние ее таково, что необходимо возможно скорее с этой системой покончить.

Предвидя, затем вопрос: каково же *должно* быть воспитание, докладчик отмечает неуместность, такого вопроса, ставя его в несколько иную плоскость.

Какое *нужно* сейчас, в данных условиях дошкольное воспитание—вот единственный возможный теперь вопрос. Ответ на него даст только изучение среды, на что и должен устремиться современный педагог-дошкольник.

Доклады пленума заключились строго-научным докладом Е. А. Аркина: «Биологическая роль дошкольного возраста».

Доклад осветил анатомо-физиологически психические особенности, присущие дошкольному возрасту и диктующие педагогу определенное отношение к ребенку, а следовательно и ко всей дошкольной работе.

Биологическая роль дошкольного возраста заключается в пред'явлении целого ряда требований, выполнение которых обязательно для мало-мальски сознательного педагога.

Требованиями этими не допускается ни преждевременное развитие организма, ни искусственное его замедление.

Само собою разумеется, что выполнение этих требований возможно лишь при ясном сознании и понимании природы ребенка и всех особенностей различного возраста. Отсюда—вся дошкольная работа должна быть построена на основании точного знания, для осуществления которого необходима по всей России организация всевозможных институтов и кафедр по различным вопросам дошкольного воспитания. Выступлением Е. А. Аркина закончились пленарные доклады с'езда.

Прения, развернувшиеся по всем трем докладам, не носили большего оживления.

Возражений по существу почти не было. Одно время прения фиксировались на системе свободного воспитания.

которой касались все три докладчика. Не говоря уже о П. П. Блонском, в задачу которого входило освещение всех систем, и Д. А. Лазуркина и Е. А. Аркин затронули эту систему.

Первая—увлечение системой свободного воспитания об'яснила скороспелостью работников, второй провозгласил эту систему просто-напросто несуществующей—миражем своего рода.

Практические работники почти не выступали по поводу этих пленарных докладов и их голоса не было слышно среди обмена мнений по вопросу о свободном воспитании. Позднее, в секции практики детского сада, этот вопрос попутно затрагивался и практическими работниками. Кстати сказать там, в практике детского сада, вопрос этот не казался тем жупелом, каким он являлся в устах П. П. Блонского.

Непосредственные оппоненты П. П. Блонского соглашаясь с ним в той части, в которой он касается идей свободного воспитания, предостерегали от увлечения фребелизмом. К. Н. Корнилов, кроме того, обратил внимание с'езда на то положение, которое занимает в России система Монтессори.

Заслуживающая вообще внимание, эта система, как близкая к марксистской идеологии, должна была бы превалировать в советской России.

Доклад Е. А. Аркина вызвал обмен мнений на тему о бережении ребенка в связи с особенностями его организма. Тут, естественно не было разногласий, так как базою для прений служила не какая-нибудь более или менее надуманная система, а определенные научные данные.

Секционная работа должна была вылиться в следующих направлениях: 1) практика детского сада, 2) научно-врачебно-педагогическая, 3) подготовка работников, 4) организационная.

В секцию практики детского сада вошли, или вернее должны были войти, вопросы об игре, и труде (Шлегер), о религиозном воспитании (Блонский), методы знакомства с природой (Натали), эстетическое воспитание (Шацкая, Румер, Оршанский), работа с семилетками (Свентицкая) и от ясель к детскому саду (Кричевская). Доклады Блонского и Свентицкой не состоялись за болезнью докладчиков, что же касается труда и игры—этих кардинальных вопросов в области дошкольного воспитания, то они также не были освещены на втором всероссийском с'езде по дошкольному воспитанию.

Эти вопросы должны были обсуждаться по данным анкеты, разосланной зимою прошлого года.

Материал, полученный по вопросу о труде, был настолько не полон, что не было возможности представить его с'езду.

Все же, Л. К. Шлегер сделала некоторое введение, которое должно было бы послужить канвою для последующего обмена мыслей. Что же касается игры, то анкета, полученная в достаточном количестве, не могла быть разработана за смертью Н. О. Масалитиновой и вопрос этот остался совершенно не затронутым.

Прения по вопросу о труде развертывались крайне вяло, не только не было никакого под'ема, но не чувствовалось даже большого интереса. Позднее, после экспромитного доклада (вместо игры) С. Т. Шацкого, прения несколько оживились и попутно были затронуты и труд и система свободного воспитания.

С. Т. Шацкий, в своем неожиданном докладе (фактически—слове) констатировал тот факт, что дошкольная работа не ведется у нас бессистемно. по крайней мере, в Москве работа идет по определенной системе. выработанной дошкольной практикой; систему эту С. Т. Шацкий охарактеризовал как русскую. или московскую. Впрочем, дальше констатирования факта дело не пошло и с'езд не получил не только обоснования, но даже и простого осведомления в чем же именно состоит эта система.

Так или иначе, это заявление послужило толчком к довольно оживленным прениям, в которых, наконец, приняли участие и практические работники.

Вопросам эстетического воспитания было посвящено два доклада: доклад Шацкой (с содокладом Румер) о музыке в детском саду и доклад Оршанского об эстетическом воспитании, касавшийся, главным образом, детского творчества в живописи.

В первом из этих докладов В. Н. Шацкая подвела итоги своему личному опыту. Работая много лет в этой области, докладчица дала ряд конкретных указаний по ведению в детском саду пения и (отчасти) музыки.

Второй, дополняющий первый, доклад Румер касался исключительно ритмических движений. В своем обширном докладе А. Б. Оршанский подробно остановился на психологии детского рисунка и указал на необходимость для каждого дошкольного работника умения разбираться в этих рисунках.

Доклад В. Ф. Натали о методах ознакомления с живою природою подчеркнул важность не только общения, но и знакомства с природой и указал ряд путей, по которым знакомство это должно проводиться на практике.

Совершенно новый вопрос внес в дошкольный мир доклад Е. К. Кричевской: «От ясель к детскому саду»: впервые произведена была попытка связать так называемый дошкольный возраст с до-дошкольным (ясельным) периодом. В докладе указывалось на положительную необходимость войти в этот мир и, наблюдая над ним, соответствующим образом строить жизнь в дошкольных учреждениях.

Вопрос о так называемой переходной группе, т. е. о группе семилеток, был затронут Е. Е. Соловьевой, которая привела ряд картинок из жизни одной семилетней группы в колонии. Дебатировался этот вопрос очень мало за недостатком времени.

Совершенно особняком стоял доклад Тихеевой о счете в детском саду, этот чисто методический доклад явился совершенно неожиданным не столько потому, что он не значился в программе с'езда, сколько по своему конкретному содержанию так не гармонирующему со всей линией поведения с'езда. По существу этому докладу не место было в секции практики детского сада, в той форме ее, в какую она вылилась, так как по существу такой секции на с'езде и не было, были все те же пленарные заседания с заслушиванием докладов.

В научно-врачебно-педагогической секции шли доклады: физическое развитию (Гориневский) и доклады Чулицкой и Грибоедова.

Интерес с'езда сосредоточился на последних двух докладах, в которых была нарисована картина врачебно-санитарной работы в дошкольных учреждениях. Массовые исследования над детьми Петрограда показали насколько еще несовершенны попытки наших учреждений держаться санитарно гигиенических норм. Констатировано плохое физическое состояние детей, большой процент туберкулезных; за последнее время развились эпидемии цынги, чесотки, стригущего лишая; и все же почти героическими усилиями удается достигнуть того, что дети, посещающие дошкольные учреждения, более или менее приближаются в своем физическом росте к норме, несмотря на плохие материальные условия последнего времени. Профессор Грибоедов остановился на том колоссальном росте детской дефективности, который отмечается в последние годы.

Указывая на необходимость изоляции части дефективных детей, докладчик в то же время находит, что нет на-

какой необходимости удалять каждого дефективного ребенка из детского сада. Наилучшая мера борьбы с детской вырождаемостью есть сохранение дошкольной сети и распространение медико-санитарных знаний как среди населения, так и среди руководительского персонала дошкольных учреждений.

Докладов не медицинских в этой секции не было, так как доклад Корнилова о биогенетическом принципе не состоялся, доклад же Нечаева за недостатком времени скомкался да и шел он не в секции, к которой по существу относился, а в пленарном заседании.

В секции подготовки работников вопрос сосредоточился на организации этой подготовки в связи с практической дошкольной работой, подтверждены были те положения, которые вынесены еще первым всероссийским с'ездом по докладу С. Т. Шацкого.

Новым явился доклад Р. Е. Орловой о пролетарских курсах, впервые организованных в России. С'езд подчеркнул необходимость работы в этом направлении, считая крайне важным фактором пополнение руководительского персонала дошкольных учреждений пролетарским элементом.

За недостатком времени вопрос о пролетарских курсах (как и многие другие вопросы) не был проработан так, как следовало бы его проработать. Причиною этому была еще и та своеобразная форма, в которую вылились секционные работы с'езда.

Научно-врачебно-педагогическая секция шла параллельно с секцией организационной. Практика детского сада и подготовка работников шли без параллели и вылились по существу в пленум. Секционной работы фактически не было, было все тоже загромождение ораторами, те же пятиминутные оппоненты, то же нервирующее прерывание их звонком председателя, и как следствие всего этого та же напряженность физическая и политическая, неизбежная при всяком большем скоплении людей. Не было той спокойной деловой атмосферы, без блестящих ораторов, которая отличает обычно секционную работу от пленума.

Напряжение, сковывавшее членов с'езда сначала его работы, не оставляло их и в конце. В тех секциях, которые шли параллельно и, следовательно, не были многолюдными, продолжалось выслушивание докладов и прения по докладу; не было под'итоживания секционной работы и работы по составлению резолюций тех докладов, которые секцией были заслушаны.

Это — большой дефект с'езда, который необходимо избежать в будущем, так как только секционная работа могла хотя бы до некоторой степени углубить вопросы, не ограничиваясь их поверхностной разработкой, как это поневоле делалось в той лихорадочной спешке, которая доминировала на втором всероссийском с'езде, все время мчавшемся экспресом по замечанию ее председателя, метко охарактеризовавшего темп с'ездовой работы.

Так или иначе работа на с'езде велась и если она не была так продуктивна как, естественно, хотелось бы собравшимся делегатам, результаты ее вылились в целом ряде постановлений.

В этих постановлениях красной нитью проходит одно: продолжая дошкольную работу, мы должны строить ее не так, как до сих пор строили: размах, допущенный в области дошкольного строительства, оказался не по плечу дошкольным работникам и потому необходимо этот размах сократить. При этом необходимость сокращения дошкольной сети была признана с'ездом не только в силу экономических условий, но и в виду необходимости углубления работы, введения ее снова в педагогическое русло. Вместе с тем обнаружилось стремление к теснейшей связи педагогической работы с научной, о которой не уставали говорить на с'езде.

Правда, практически, в этом направлении с'ездом ничего не было сделано, но во всяком случае необходимость об'единения с научными силами была им осознана.

Подводя итоги работе минувшего с'езда, нельзя не отметить, что с'езд этот прошел далеко не с тем под'емом, которого следовало бы ожидать и в виду острого кризиса, переживаемого в настоящий момент дошкольниками, и в виду того нетерпения, с которым этот с'езд ожидали.

A priori казалось, что за истекшие три-четыре года, столько интересного—нового произошло в дошкольном мире и это новое неизбежно должно было выявиться на с'езде.

Помимо этого, с'езд мыслился своего рода дошкольным смотром, на котором необходимо было учесть и оценить работу дошкольной массы, впервые собравшейся после своей организации, ибо на 1-м всероссийском с'езде эта организация была лишь провозглашена.

И вместо этого—более или менее пассивное отношение к вопросам, являющимися обычно жгучими среди дошкольников, как например, вопрос о труде, или хотя бы о том же свободном воспитании.

Где же причина того, что с'езд проявил в некоторой степени апатию и не было на нем того оживления, которого все вправе были от него ожидать.

Причин этому много и одной из самых существенных надо считать как раз остроту переживаемого момента.

Под влиянием катастрофы, нависшей над головами дошкольников, последние естественно не могли отнестись к предлагаемым им докладам с должным энтузиазмом, так как доклады эти говорили об отвлеченных вещах, не касаясь того, что, главным образом, интересовало всех собравшихся делегатов. Когда же, наконец, хотя и одним краем был поднят вопрос о текущем моменте в организационной секции, делегаты были уже в достаточной мере утомлены с'ездом и не могли отнестись и к этим вопросам с естественной в данном случае горячностью. Но напрасно было бы обвинять организационное бюро и президиум с'езда в том, что доклады были не те, которые отвечали бы настроению с'ехавшихся: работа с'езда не могла ограничиться одним лишь текущим моментом, необходимо было заглянуть в будущее подумать о том, чтобы с'ехавшиеся со всех углов России дошкольники вернулись к себе не с пустыми руками, а имели бы нечто конкретное, что они могли бы применить или проверить в своей практике.

С этой стороны с'езд вероятно ничего, или почти ничего не дал с'ехавшимся и это, пожалуй, самое слабое место с'езда.

В самом деле, группа, руководящая с'ездом, тщательно избегала всего того, что могло бы носить характер совета, или, еще того хуже—рецепта. Но между рецептом и советом лежит огромная разница, кроме того можно было бы, и не советуя, раскрыть свои карты, а не ограничиваться одними общими местами и фразами. Боязнь конкретных указаний дошла чуть ли не до психоза, а между тем аудитория второго с'езда резко отличалась от аудитории первого. Огромный процент с'ехавшихся был с практическим стажем (его далеко не дал состав первого с'езда) мало того, многие делегаты прошли (кратковременные, правда) инструкторские курсы в Москве под руководством московских работников и, следовательно, хорошо знакомых с московской идеологией.

К такому составу с'ехавшихся руководящие группы с'езда могли бы подойти с совершенно другой меркой—не боясь быть понятыми превратно и не отказывая в выявлении собственной точки зрения.

Эта позиция очень горячо обсуждалась, и кстати сказать—не менее горячо осуждалась в кулуарах, где оживление было значительно больше.

И эта же позиция отняла у многих и многих охоту участвовать в прениях. Помимо этих причин существовали другие, менее существенные—это перегруженность с'езда, крайне ограниченное время для оппонентов (5 мин.).

Все это второстепенные причины, которые влияли на количество прений, но сами по себе не могли действовать подавляющим образом. Так, или иначе, пониженный темп с'езда отмечался всеми и в будущем необходимо принять меры к тому, чтобы пульс с'езда бился в соответствии с переживаемым моментом и настроением с'ехавшихся.

С чем же все таки раз'ехались делегаты по своим местам, что дал им положительного с'езд и как пойдет после него дошкольная работа на местах?

Прежде всего с'езд несмотря ни на что, приподнял настроение дошкольников, затем он открыл им глаза на фактическое положение вещей: делегаты, с'ехавшиеся на с'езд не были в курсе дел и думали, что закрытие детских садов происходит на местах по недоразумению, благодаря чему вся энергия дошкольных работников устремлялась на то, чтобы во что бы то ни стало сохранить прежний масштаб работы.

После с'езда эта энергия будет направлена в сторону углубления работы, о чем на с'езде достаточно много говорилось.

Несомненно, что некоторые толчки с'ездом даны, как они претворятся в действительности, покажет будущее и надо думать, что третий с'езд по дошкольному воспитанию, учтя ошибку второго, подведет наконец итоги дошкольной работе и учтет все, что эта работа дала за свое короткое существование.

Л. Тезавровская.

Всероссийская конференция по краеведению.

С 10-го по 20-е декабря 1921 года в Москве состоялась первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, созванная Академическим Центром Наркомпроса с целью координирования деятельности научных обществ и учреждений по изучению местного края, созданию единого плана научных работ в этом отношении и, наконец, выяснению различных нужд обществ и учреждений и способов их удовлетворения.

Академический Центр много потрудился для рациональной организации этой давно ожидаемой конференции. И местные научные общества и учреждения были на ней представлены с достаточной полнотой. Всего собралось свыше 120 делегатов со всех концов Федеративной Советской России.

Были представители Татреспублики, Башкореспублики, Западной Сибири, Туркестана, Кубани, Кавказа, Белоруссии и др.

Конференция прошла с большим под'емом и многие вопросы, поставленные на ней, преимущественно организационного характера, нашли себе полное выяснение, другие—намечены к более обстоятельной разработке и постановке на предстоящем Всероссийском Краеведческом С'езде.

Доклады теоретического характера касались преимущественно значения, сущности, задач и методов краеведения. Практические же доклады, которые вызвали особенно оживленный обмен мнений, касались ближайших очередных задач и организационных планов к их осуществлению.

Конференция уделила видное место докладам, которые разрабатывали педагогические проблемы краеведения. С большим интересом заслушан был горячий доклад представителя Наркомпроса, А. А. Яхонтова, на тему «Краеведение и школа» и представителя Музэкспна, А. Я. Закса, на тему «Краеведение и экскурсионное дело». Конференция по этим докладам, после оживленных прений, приняла следующую резолюцию:

«Признавая исключительно ценной образовательную и воспитательную работу с детьми и взрослыми в школе, клубах и других образовательных учреждениях на активном наблюдении, изучении и собрании местного материала самими учащимися, считая необходимым привлечь широкие массы к пониманию краеведческих ценностей и тем создать подготовку кадров новых краеведов, конференция высказывается за то, чтобы общества краеведов в своих недрах организовывали педагогические школьные секции, устраивали конференции и курсы для учащих, широко популяризировали результаты исследования края путем организации лекций, выставок и музеев местного края, содействовали организация краеведческих экскурсий, вовлекали бы школы и образовательные организации в область собрания и исследования краеведного материала».

С большим вниманием заслушан был также доклад представителя Главполитпросвета, А. П. Полтевского, на тему «Краеведение и политико-просветительная работа». Необходимость тесного и дружного контакта местных краеведческих обществ, с одной стороны, и политико-просветительных учреждений—с другой, и особенно центральная идея доклада—вовлечение широких общественных масс в политическую работу—дружно были поддержаны конференцией и отмечены следующей резолюцией:

«Учитывая чрезвычайную важность внешкольной просветительной работы на местах в широких народных массах, и считая эту работу ударною задачею всех живых сил страны, Всероссийская Конференция научных обществ и учреждений по изучению местного края полагает желательным, чтобы краеведческие организации приняли участие в просветительной внешкольной работе на местах и, организуя краеведческие ячейки во всех слоях местного населения, устраивая лекции, экскурсии, выставки, открытые заседания и всемерно пропагандируя дело краеведения, вовлекали в собирание и изучение краеведческих материалов широкие народные массы, чего можно достигнуть особенно успешно посредством составления справочников и руководств к изучению края, программ и планов по собиранию и обозрению собранных материалов, библиографических и пр. указателей, а также присоединением к активной, краеведческой работе в качестве исследователей и преподавателей всех, кому дорого дело краеведения и просвещения широких масс населения».

Из других докладов педагогического характера следует отметить еще доклад Б. С. Жукова, на тему «Учреждение институтов и курсов по подготовке работников краеведения». Доклад Б. С. Жукова, касающийся особенно больного места краеведческих организаций—недостатка, а иногда и полного отсутствия квалифицированных работников краеведов на местах, вызвал широкий обмен мнений и конференция приняла по нему следующую резолюцию, имеющую большое принципиальное значение:

«Всероссийская Конференция научных обществ и учреждений по краеведению, отмечая недостаток работников по краеведению на местах как высококвалифицированных, так и рядовых, и чрезвычайную необходимость и срочность их подготовки, без чего не могут быть в достаточной мере выполнены задачи, поставленные краеведческим обществом современной жизнью и при выполнении их применены методы современных научных собраний и исследований, полагает, что высококвалифицированные краеведы могут слагаться только на основе университетского преподавания, могущего привить методы исследовательской работы и посему считает желательным включение в преподавание в Российских университетах курсов и практических занятий вспомогательного характера по изучению местной для каждого университета природы, и культуры, и быта населения в их прошлом и настоящем.

Равным образом и по тем же основаниям конференция признает желательным включение таких курсов и практических занятий в преподавание в других Российских В. У. З., в которых некоторые (особенно Петроградский географический институт) могли бы, по мнению конференции, получить специально краеведческий характер.

Для подготовки рядовых краеведов конференция считает желательным организацию особых краеведческих курсов, преподавание в которых должно получить по преимуществу методологический характер и иметь целью выработку краеведа-практика, и исследователя в определенной области краеведения».

Среди многочисленных и очень интересных докладов с мест выделяются два доклада по яркости: доклад от Копринского волостного краеведческого общества (Рыбинской губ.) и доклад представителя Академии Наук от Комиссии по изучению естественных производительных сил России.

Копринский представитель, тов. Виноградов, своим докладом о продуктивной работе Общества, при самых тяжких местных условиях, вызвал дружные аплодисменты всех членов конференции за свой энтузиазм и горячую любовь к делу. На примере Копринского Общества, этой малой ячейки, члены конференции увидели конкретное доказательство возможности продуктивной работы при самых тяжких условиях.

С другой стороны, докладчик от Кепса, академик Ферсман, взволновал аудиторию своим грандиозным и тем не менее глубоко жизненным проектом организации мощного краеведческого органа Всероссийской Научно-Краеведческой Ассоциации.

Члены конференции горячо приветствовали эту идею и настаивали на немедленном ее, хотя бы частичном, проведении в жизнь.

В результате этого доклада и обмена мнений конференцией постановлено: немедленно, срочно, разработать проект Всероссийской Краеведческой Ассоциации, а пока избрать Центральное Краеведческое Бюро, которое до организации Ассоциации выполняло бы некоторые, особенно неотложные ее задачи и подготовило бы все материалы к моменту вступления в жизнь самой Ассоциации.

При конференции была организована краеведческая выставка из книг, брошюр и листовок, а равно и графического материала.

М. Селищенский.

К предстоящей конференции по учету работы в школе.

Вопрос об учете работы в школе—насущный вопрос сегоднешнего дня.. Вопрос этот волнует и интересует педагогическую мысль и педагог тщетно пытается стать в этом вопросе на ту или иную позицию... В старой школе этот вопрос в той мере, как мы понимаем его теперь, отсутствовал. Старая школа, шедшая по программам, разработанным лишь с логической стороны, не затрагивала сферы психологического подхода к ним и в силу этого не могла и не следила за интеллектуальным ростом ребенка, за его гармоническим развитием. Формальная наука, требовала формального учета, как тогда говорили: «проверки суммы знаний». Проверка эта была однообразна по форме, и лишь разнилась по своему об'ему.

Каждая политическая весна вносила в эту область некоторую долю либерализма и только. Весна сменялась осенним мелким дождичком или зимней стужей и наши дети снова отдавали дань «сумме знаний».

Первый порыв педагогически революционной фантастики отменил всякую «сумму», но вскоре это испугало педагога... Да и вполне понятно... Дух творческой, активной школы, школы основанной на естественном росте ребенка — оставался чужд педагогу. У него с ростом школы не выросло к ней новое осознание и новое отношение, и очень скоро—его боязливая мысль стала искать выхода из несомненной неудачи «трудовой школы». По времени, такая боязливая мысль закралась в голову организаторов народного образования весной 1920 года. Уже весной 1920 г. в некоторых районах г. Москвы подходили к учету работы, но споткнулись о старую «сумму знаний». Произвели формальный экзамен и испугавшись полученных результатов, отступили, а кое-где и омыли свои руки...

Учитывается ли работа учащихся, если учитывается, то по какой системе и в чем научное обоснование такой системы, никто не знает, и никто не может ответить на этот вопрос. А вопрос этот в высшей степени существенный. Для разрешения и вернее для последовательного изучения этого вопроса с весны 1921 г. при Наркомпросе организовалась комиссия в составе: представителей Педагогического института, Бюро опытных школ НКПр и секции научных учреждений и институтов. Комиссия эта подготовляет материал, по возможности обследывает практику Москвы в этом отношении и решила с середины января начать ряд конференций, посвященных этому вопросу.

Вопрос учета работы имеет еще и другую сторону. В дореволюционной школе «сумму знаний» давал только ребенок. Новая школа, а тем более опытная школа ставит вопрос о сумме и анализе сделанного не только учеником, но и учителем. В этой области, так же как и в области учета детской работы очень мало сделано. Существуют лишь намеки, лишь робкие разрозненные шаги в этой области. Надо сказать, что работа предстоящей конференции в высшей степени своевременна. Результатов этой работы с нетерпением будет ожидать учитель.

В. Волынская.

Музеи и выставки.

Дом-Музей П. И. Чайковского в Клину.

2/15 января 1922 года исполнилось 6 лет со дня кончины основателя «Дома-Музея» П. И. Чайковского в Клину,— Модеста Ильича Чайковского. Дом этот был последним жилищем нашего гениального композитора, и все мы должны быть благодарны Модесту Ильичу, собравшему и сохранившему для потомства архив и реликвии своего любимого брата.

П. И., оставив профессорскую деятельность, мечтал уединиться для своей творческой работы, и, после долгих поисков, выбор его пал на Клинский уезд, Московской губернии, где в 1885 году он арендовал себе дом в имении «Майданово».

Город Клин настолько близок к Москве, настолько удобно сообщается с Петербургом, что П. И. всегда, в случае надобности, легко было попасть в одну и другую столицы. Но соседство в летние месяцы дачников заставило П. И. искать себе другое убежище. И вот в 1888 году он переселяется по другую сторону города Клина, в именье «Фроловское», которое, первое время, пришлось ему очень по-душе, и лучшего местопребывания П. И. не желал бы на всю жизнь: там он был совершенно один, без ненавистных дачников; там веяло стариной, которую так любил он; там сад усадьбы сразу переходил в лес—любимое место его уединенных прогулок, но с годами лес, от беспощадной рубки, стал исчезать, да неприятности с владельцами Фроловского заставили покинуть живописную усадьбу и вновь перебраться в Майданово. Непременно П. И. было это возвращение и в письме к своей кузине А. П. Мерклинг он ей из Майданова писал: «. .Мне здесь противно жить. Все в разрушении. Дом мой покосился, везде беспорядок, запущение, все клонится к упадку, лесу нет, прогу-

щение, все клонится к упадку, лесу нет, прогулок никаких и в довершение всего—дачники» (М. Чайковский—«Жизнь П. И. Чайковского», т. III, стр. 486).

Наконец, через год удается найти помещение в самом Клину, на окраине города, и 23 марта 1892 года в письме к брату Анатолию Ильичу П. И. сообщает: «...нанял дом в Клину, на шоссе. по дороге в Фроловское. Дом большой, красивый и удобный. У меня будут там чудесные комнаты, свой небольшой сад и полное отсутствие соседей. Я очень доволен этим переездом, ибо Майданово все тошнее и тошнее становится» (М. Чайковский—«Жизнь П. И. Чайковского», т. III, стр. 532).

Только полтора года П. И. удалось пожить в своем новом уютном помещении. 10 октября 1893 г. он покинул Клинский дом, отправившись в Петербург для исполнения своего последнего бессмертного произведения—шестой патетической симфонии, написанной в этом доме, и больше не вернулся. Творец «Пиковой Дамы» и «Онегина» 25 октября ст. ст. в Петербурге умер от холеры.

По духовному завещанию П. И. свои авторские права завещал своему любимому племяннику В. Л. Давыдову, а обстановку квартиры слуге А. И. Софронову, который вскоре весь дом купил у владельца Сахарова, а года через два перепродал В. Л. Давыдову и М. И. Чайковскому. Последние, в память гениального дяди и брата, желая его помещение оставить неприкосновенным, сделали для себя пристройку, которая совершенно не изменила фасада дома, комнаты же П. И. обратили в музей.

В 1916 г. скончался В. Л Давыдов и все владение перешло к Модесту Ильичу, а через десять лет, 2 января 1916 года, скончался и Модест Ильич, оставив Дом-Музей с усадьбой Московскому отделению Русского Музыкального Общества. После октябрьских событий 1917 г. Русское Музыкальное Общество было ликвидировано и Клинский Отдел Народного Образования взял ценный памятник под свое попечение, так что все почитатели великого композитора должны быть признательны тем деятелям Клинского Отдела Народного Образования, заботами которых Дом-Музей сохранился в неприкосновенном виде до сего времени.

В декабре 1919 года группа лиц в Клину, совместно с несколькими московскими почитателями П. И., образовали «Общество Друзей Дома-Музея П. И. Чайковского в Клину» по образцу имеющихся подобных обществ почти при всех столичных европейских музеях.

Днем 31 мая 1920 года состоялось в Клину, в электротеатре, открытие Общества, а вечером, в том же помещении концерт из произведений Чайковского в превосходном исполнении профессоров Московской Консерватории. Летом, 1920 г. Советом О-ва было возбуждено ходатайство о национализации «Дома-Музея», как это было сделано Главмузеем с имением Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» и, наконец, 26 августа 1921 года в заседании Совета Народных Комиссаров Дом-Музей П. И. Чайковского в Клину национализирован. Вот это постановление:

«Принимая во внимание, что Музей-Дом П. И. Чайковского в Клину, связанный с именем величайшего русского композитора и историей его творчества, представляет собою национальный культурно-исторический памятник, сохранение которого в неприкосновенности имеет общегосударственное значение в деле народного образования, Совнарком постановляет:

1. Музей-Дом П. И. Чайковского, в Клину, со всем принадлежащим к нему: усадьбой, хозяйственными постройками и инвентарем, об'явить государственной собственностью Р.С.Ф.С.Р. и передать в ведение Народного Комиссариата по Просвещению на общем основании с прочими государственными музеями.

2. Предоставить ближайшим родственникам Чайковского право пользоваться свободными помещениями дома по соглашению с Главмузеем.

3. Поручить Главмузею совместно с Акмузо Н. К. П. выработать положение об административно-хозяйственном управлении вышеозначенным Музеем-Домом.

С учреждением О-ва «Друзей Дома-Музея» и с переходом музея в ведение Главмузея, оживилась культурно-художественная жизнь музея. Обществом уже были устроены концерты в Клину из произведений композитора; в музей стали поступать издания в память П. И., снимки с постановок его опер.

Среди членов общества возникла мысль о расширении музея путем устройства «Пушкинской комнаты», в которой были бы собраны все материалы, касающиеся творчества П. И. Чайковского, отразившего произведения нашего великого поэта.

Н. Т. Жегин.

Музей имени А. П. Чехова в Москве.

Обширная критическая литература об А. П. Чехове дает уже привычное впечатление признания в нем писателя-классика.

Но было бы поспешным сделать заключение, что Чехов исчерпывающе изучен и проанализирован. Необыкновенно ценное собрание его писем (под редакцией М. П. Чеховой), а также имеющиеся о нем воспоминания современников говорят о том, что в этом отношении мы находимся еще в пути, что в указанных источниках скрыто очень много об'ясняющего статику и динамику творчества А. П.

Каждое прикосновение к ним убеждает, что история русской литературы еще ждет полной обобщенной биографии А. П., что купол над зданием критики о нем еще должен быть построен, а стены этого милого уютного храма еще дадут место свежим, более верным и законченным письменам и образам, которые приведут нас к конечному познанию А. П., как человека и писателя. В этой нужной для русской культуры работе в числе других не должен быть забыть метод музейный, метод наиболее наглядного и образного выявления затронутого вопроса.

Музей,—посвященный писателю,—область мало проверенная именно русской жизнью, область, в которой русская культурная работа только начинается. Но та картина, которую мы наблюдаем в имеющихся музеях этого типа, говорит о широких познавательных возможностях, в них заключающихся. Полотно изучаемой темы, может быть, развернуто наиболее ярко и многообразно, модуляции темы в музейном построении приобретают предельную тонкость и способность не к отвлеченным, а к конкретным обобщениям и выводам, характеризующим данного писателя, мыслителя и художника.

Музей дополняет своими образами, своей художественной схемой тот мир умонастроений и эмоциональных состояний, которые рождаются под впечатлением произведений данного писателя, ранее воспринятых нами только в буквенных начертаниях. Он, как и театр, заставляет творчество писателя и его самого жить в наших сердцах сонмом образов, когда-то отданных им на суд жизни через внешне безмолвные книги.

И цветок буквенных начертаний—сама книга, при таком подходе к ней, еще более оживает и начинает занимать одно из мест в общей системе явлений конечного распознавания изучаемого писателя, мыслителя и художника и художественно-целостного отображения его творчества.

Жизненный и творческий мир Чехова дает необыкновенно-интересный и ценный материал не только для изуче-

ния его литературно-художественной деятельности. Конечно, чеховский музей будет местом, куда придет и школьник, и педагог, поучающий этого школьника; конечно, туда придет каждый, изучающий литературу. Но этот же музей, поскольку он в процессе своего образования достигнет конечной художественной целостности и явит собою самодовлеющую художественную ценность, должен стать и неизбежно станет сам по себе предметом или памятником искусства.

Следовательно, не только прикладные учебно-познавательные задачи могут и должны руководить нами при построении музея, связанного с именем писателя, в данном случае с А. П. Чеховым, музей—сам по себе, своей сущностью, своей структурой, своим художественным единством должен довлеть искусству, должен стать явлением последнего. Его можно сравнивать с строго-художественной театральной постановкой, но длящейся в своем бытие, но... перманентной, но вмещающей все действия и явления жизни и творчества писателя.

И такой музей мы едва-ли решимся загромождать грубой вещностью быта, обилием того, что непосредственно сопутствовало, опять-таки в данном случае Антону Павловичу и его семье, в их физической жизни. Ибо собрать эти вещи и воспроизвести при помощи их бытовой уклад домашней, интимной жизни писателя было бы несколько иной задачей, чем та, которую, очевидно, может поставить себе Московский музей. Уместно сохранить в оранжерее Ялтинской дачи А. П. ассортимент садовых орудий и инструментов, которыми он сам возделывал так любимый им сад, но едва-ли они будут приемлемы для музея, организуемого в Москве. И если уместно было бы (хотя это и оспаривается) восстановить Мелиховскую усадьбу, едва-ли целесообразно вклинивать всю бытовую обстановку Мелихова в Московский музей... Если чернильный прибор и перо писателя не внесут контраста в этот музей, обеденный сервиз его столовой окажется притянутым насильно... В этом вопросе, несомненно, должна быть проявлена исключительная чуткость и всякое пренебрежение ею отзовется на художественной целостности музея. Его научно-культурное значение и ценность, как памятника искусства, будут достигнуты, если он в фотографиях, в живописи, в скульптуре, в макетах и в буквенных начертаниях отразит и самую жизнь писателя, и все то, что обусловливало и влияло на его творчество, делая его в каждом отдельном случае (иллюстративный анализ, по возможности каждого рассказа, повести, пьесы и пр.) именно таким, а не другим... Музей должен выявить во всей цельности самые незаметные лабораторные условия творчества писателя, исследовать ход его в целом, вскрывая при этом частности...

И реликвии, с этой точки зрения, мы будем включать в Чеховский музей постолько, поскольку они имели самое близкое отношение к А. П., как к писателю и художнику. В таком случае Ялтинская дача и Мелиховская усадьба, непосредственно воспроизводящие быт, отразятся в Московском музее целостно и связанно бликами и пятнами искусств изобразительных.

Остановимся же ближе, в самых кратких словах, на структуре Московского музея.

Планировка музейной площади вытекает из возможного и наиболее наглядного деления жизни А. П. Чехова на четыре основных периода: 1) таганрогский с 1860 до 1879 г., 2) московский—с 1879 до 1892 г., 3) мелиховский—с 1892 до 1899 г., 4) ялтинский—с 1899 г. до 1904—года смерти. В основу последовательного жизнеотражения целесообразно взять именно этот, на первый взгляд, несколько грубый географический критерий, т. к., жизнь А. П., меняясь, конечно, с годами, складывалась иначе в зависимости от того, где ему приходилось строить свое жилище. Выбор места, где поселялся А. П., однако, зависил от всей суммы личных причин, которые также влияли и на самый характер и общий темп его литературной деятельности.

Первый период—Таганрогский. Чехов—уроженец Таганрога, здесь прошли его детство, отрочество и юность, здесь он прожил вплоть до 1879 г., до поездки в Москву и поступления в Московский университет.

Второй период — Московский, т.-е. студенческие годы А. П. и первое десятилетие его литературно-общественной работы, включая поездку на Сахалин и на голод, летние каникулы в Воскресенске, Звенигороде, Бабкине и Луках, оказавших, по свидетельству биографа М. П. Чехова, значительное влияние на формирование А. П., как писателя.

Третий период—Мелиховский, считая с 1892 г. по осень 1898 г., период интенсивной литературной и общественной работы, в который окончательно сложилась фигура А. П., как писателя, когда была написана «Чайка».

Четвертый период—Ялтинский, с осени 1898 г., вернее, с 1899 г., когда А. П. окончательно переезжает на южный берег Крыма, до 1904 г.—год смерти, период Ялты, где он провел последние годы жизни, период Ялтинской «белой дачи», на которой были написаны «Три сестры» и «Вишневый сад».

Таким образом мы получаем четыре ступени биографии А. П. Отдельной темой, выступающей особенно ярко в литературной деятельности Чехова, и с точки зрения систематизации музейного материала, имеющей право на самостоятельное отображение, следует признать тему: Чехов и театр. Соответствующий материал, благодаря постановкам Художественного театра, настолько ценен и богат, что в интересах цельности впечатления требует самозамыкающейся группировки.

Особая зала (впоследствии наверно и большая часть площади), очевидно, будет отведена под иллюстративный анализ построения отдельных рассказов, повестей, пьес и пр., который на нескольких образцах вскроет ход художественной работы А. П.

Также должна быть осуществлена мысль о систематической работе по иллюстрированию произведений А. П. Мы знаем, что в отношении других писателей-классиков она отчасти сделана; поскольку организуется музей имени Чехова, может быть поставлен вопрос об иллюстрации его произведений. Несомненно, что типы, а, по обычной терминологии, герои произведений А. П., выполненные в карандаше, в красках и пр., собранные воедино, составят исключительно ценную коллекцию, которая потребует самостоятельной группировки в отдельном зале.

Не приходится долго останавливаться на необходимости устройства при музее библиотеки, которая должна вобрать в себя все издания как самого писателя, так и все то, что сказано о нем на всех языках. Нельзя, конечно, упускать из вида возможнотсти разнообразного варирования каталога этой библиотеки, сообразно выдвигаемым вопросам и темам. Следовательно, помимо основных: хронологической записи и алфавитного карточного каталога книг, мы будем иметь дополнительные, небольшие по об'ему, каталоги, охватывающие всю художественную и критическую литературы по тому или иному вопросу, вытекающему из творчества А. П.

Подлинной глубиной и сердцевиной всего музея несомненно явится архив рукописей, который, при единодушии современников А. П. и учреждений, обладающих в настоящее время оригиналами рукописей, должен сконцентрировать в себе все подлинники произведений А. П., его писем, заметок, дневников, писем к нему его родных, друзей и знакомых... Мощность этого архива, сконцентрированность (вместе с библиотекой) всех материалов об А. П.

в одном месте, несомненно повлияет на интенсивность и характер исследовательской работы о нем, а также поможет придать максимальную художественную правду всему тому, что будет целостно собрано в самом музее.

Еще один момент—это кабинет диаграмм, карт и кривых, характеризующих А. П. в цифрах, это изучение и критика писателя при помощи цифр. Здесь, конечно, для специалистов, развертываются подсчеты тех или иных явлений, характерных для изучаемого писателя, по годам и в общем охвате его творчества, интенсивность его литературной работы, цифровая и графическая группировка затронутых тем и пр., и пр., равно кривые его читаемости в столицах и в провинции, количества театральных постановок и т. д.

Облик Чеховского музея намечен только в самых общих чертах. Но несомненно, что в единую организацию этого музея должны быть включены Ялтинская дача (с Аутской библиотекой имени А. П.), Мелиховская усадьба и Таганрогский музей и библиотека, поскольку последние в действительности или в будущем смогут выполнить ту или иную задачу увековечения памяти А. П. Между центром, т.-е. между Москвой и означенными пунктами, где, как в Ялте и в Таганроге, имеются чеховские организации (и в Мелихове может быть создан уютный чеховский уголок), должно быть достигнуто полное взаимодействие в смысле общего плана работ и планомерного использования и распределения имеющихся материалов и тех, которые поступят в музейный фонд при дальнейшей общей работе.

Спрашивается, что сделано для того, чтобы приступить к организации музея имени А. П. Чехова. Минувшим летом по инициативе Марии Павловны Чеховой Главмузеем были приняты меры к сосредоточению в одном месте и охране вещей А. П., оставшихся в Москве. Вместе с тем было положено начало чеховскому музею, как одной из центральных всеросс. организаций, принимаемых Главмузеем в свое ведение. На 1922 г. разработана смета, предпринята необходимая для дела переписка с отдельными лицами и учреждениями, в Москву вызван из Таганрога брат покойного писателя М. П. Чехов. С другой стороны приступлено к организации о-ва друзей Чеховского музея. Нельзя не остановиться на кратком изложении задач этого общества.

Несомненно, что успех устройства Чеховского музея исключительно зависит от активного участия в его организации всего русского культурного общества... Государство, давая незначительные средства, беря под свою охрану имущество музея, посильно содействуя его развитию, очевидно, рассчитывает на встречный отклик общественности. Должна быть проявлена исключительная забота о том, чтобы и частная, и общественная, и государственная инициатива в данном вопросе не уклонялась от взгляда на организуемый музей, как на учреждение общественно-государственное, устраиваемое по известному плану, принятому и утвержденному Главн. Упр. по делам музеев, но разработанному и морально одобренному теми кругами общественности, которым идея будущего музея близка по существу. С самого начала к организации музея должны быть привлечены живые общественные силы как в центре, так и на местах. Ведь сам А. П. так неуклонно-чутко реагировал на всякое проявление общественной самодеятельности, общественной правды и согласованности. И общественные силы, призванные к строительству музея, связанные лично с А. П. или проникнутые прекрасным строем его мыслей и образов, могут составить то организационное ядро в Москве и на местах, которое согласованно поведет всю намечающуюся работу.

Инициативная группа учредителей общества возглавляется В. И. Немировичем-Данченко. Его же словом в здании Московского Художественного театра откроется деятельность о-ва. Близость Художественного театра к намечающейся работе как самого музея, так и о-ва его друзей является порукой того, что организуемый музей, несмотря на стоящие перед ним невероятные материальные затруднения, в условиях крайнего культурного оскудения, и своим возникновением, и всем своим последующим бытием явит доказательство силы и цельности русского творческого духа, его неизбывной и упорной воли к жизни и только к жизни, более совершенной и чистой, образ которой не раз вставал пред самим А. П. Чеховым.

Евг. Лейтнеккер.

Некрасовская выставка.

С 1-го по 15-е декабря в трех залах картинной галлереи Румянцевского музея была открыта Некрасовская выставка.

Внимание посетителей останавливал прежде всего обширный иконографический отдел, где собраны были многочисленные портреты Некрасова, его близких, друзей, литературных сверстников, издателей его сочинений, авторов воспоминаний о нем. Среди портретов поэта были крайне редкие: Некрасов во франтовском пальто и модном цилиндре, с обликом, столь не похожим на поэта «мести и печали», Некрасов со своей любимой охотничьей собакой, чью гибель он так горько оплакивал. Рядом с тремя стихотворениями, посвященными Зине, был выставлен молодой портрет самоотверженной подруги последних горьких лет жизни Некрасова. Среди портретов литературных сверстников Некрасова исключительное внимание привлекал портрет Достоевского, только что исполненный известным гравером Фалилеевым; по глубокому проникновению в душу «гениального каторжника», по изумительной экспрессии и мастерству исполнения это произведение высокой художественной ценности. Большой интерес представлял также портрет молодого Глеба Успенского, ни разу не воспроизводившийся и доставленный на выставку из архива основателя «Русских Ведомостей» Н. С. Скворцова.

Тщательно подобраны были издания сочинений Некрасова, начиная с таких редкостей, как «Мечты и звуки», «Баба-яга», «Первое апреля» и кончая превосходным по внешности изданием Гржебина, помеченным «Петербург—Берлин». В этом отделе выставки исключительную ценность представлял экземпляр одного из ранних изданий сочинений Некрасова, когда-то принадлежавший Н. А. Ефремову, с многочисленными рукописными поправками и дополнениями, сделанными покойным библиографом со слов Некрасова, а отчасти и самим поэтом.

Внушительный по величине отдел мемуаров о Некрасове, научной и популярной литературы о его жизни и поэзии завершался подбором лубочных народных песенников, щедро черпавших из сокровищницы некрасовской поэзии и опровергнувших скорбные раздумья поэта о том, что он умирает «столь же чуждым народу, как петь начинал».

«Неверный звук» Некрасовской лиры иллюстрирован был специально подобранным в особой витрине материалом. Здесь были помещены стихи Муравьеву-вешателю и Комиссарову, портреты Каракозова, Муравьева, Комиссарова с женой, покаянные песни Некрасова, его ответ «Неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть», самое это стихотворение и том произведений Владимирской рядом со статьей библиографа Пономарева, предполагавшего в этой поэтессе автора «Не может быть».

Скуднее других отделов были отдел автографов (три письма к Майкову, глава из «Кому на Руси жить хорошо» и «Секрет»), музыкальных произведений, вдохновленных

Некрасовым, и иллюстраций к его произведениям. Впрочем, и здесь были такие интересные вещи, как рисунки Павла Соколова к «Маше», «Филантропу», «Деревенским новостям» и другим стихотворениям Некрасова.

В общем выставка, устроители которой, видимо, имели в виду, главным образом, интересы широких масс, а не специалистов по истории литературы, привлекала пристальное внимание многочисленных посетителей, особенно являвшихся группами, для которых давались специальные об'яснения. Наибольшее количество таких групповых посещений было сделано учащимися школ первой и второй ступени. Нельзя не пожалеть, что выставка продолжалась столь недолгое время, и Румянцовский музей не нашел возможным отсрочить ее закрытие.

Хроника.

Дошкольное воспитание.

— **Комиссия по дошкольному воспитанию при центр. Педол. инст-те,** отвечая собственной назревшей потребности и влечению практических дошкольных деятелей к работе в контакте с научными учреждениями, между прочим, высказанному и на 2-м всероссийском с'езде по дошкольному воспитанию, педагогическая секция Центрального Педологического Института (Б. Бронная, 8, канц. в Наркомпросе, комн. 86) выделила из себя комиссию по дошкольному воспитанию под председательством Столица, при ближайшем участии членов и сотрудников Института.

В заседании 16 дек. 1921 г. комиссия кооптировала целый ряд специалистов по дошкольному воспитанию: Блонского, Вебер, Корнилова, Кричевскую, Свентицкую, Соловьеву, Федяевскую, Флерину, Чехову, Шацкого, Шевелеву, Шлегер—и наметила программу предстоящих работ применительно к следующим трем циклам: I. Педолого-педагогические основы дошкольных учреждений применительно к детям с 3-х до 8-летнего возраста. II. Семейное воспитание. III. Подготовка дошкольных работников.

По первому циклу намечены следующие вопросы:

1. Изучение природы ребенка в связи с окружающей его средой и зависимость характерных особенностей об'екта изучения от возраста (деление на группы по возрасту хотя бы в пределах Детского сада), от уровня развития (напр., одаренные и дефективные дети), от национальности (напр., наличность русских детей, как основание для отличия русского Детского сада от заграничного). Под этой статьей данного цикла подразумевается не только план исследования (как-то программы наблюдений—массовых и индивидуальных, а также экспериментирование, напр., естественный эксперимент, применение жестов и т. п.), но и фактическое проведение плана.

2. Учет всей педагогической работы в дошкольном учреждении, т.-е. опять-таки и план учета, и само осуществление этого учета. Дошкольным практическим работникам учет важен, вскрывая достоинства и недостатки данной дошкольной работы и раскрывая ее психологическое содержание. Комиссии этот учет даст материал для научных выводов.

3. Научная оценка в отдельности всех воспитательных элементов дошкольного учреждения: физико-сенсорного, интеллектуального, волевого, трудового, социального и эмоционального, т.-е. всего, что осуществляется в его жизни и, может быть, подведено под эти рубрики, оценка со стороны соответствия природе ребенка, а также согласованности с законами педагогики.

4. Научная обработка доставляемого самими дошкольными учреждениями материала, напр., психологические и педагогические выводы из анализа систематизированных продуктов детского творчества, как, напр., рисунков и строительных концепций, собранных Дошкольным Музеем Опытной станции (М. Дмитровка, 14), а также подобные же выводы из суммированных наблюдений по отдельным вопросам детской жизни—согласно работе дошкольных учреждений.

5. Опытно-реформаторская деятельность, а именно, научно-обоснованные—в результате работ комиссии—нововведения в жизнь дошкольных учреждений. Нововведения применяются сначала в виде опыта, а после тщательной проверки его—в качестве реформы.

6. Вопросы обучения, преимущественно в применении к переходному, т.-е. семи—восьмилетнему возрасту, как, напр., обучение родному языку, счету, рисованию, ручному труду, пению, ритмике и т. д.

При разработке второго цикла вопросов имеется в виду включить в нее и первоначальный, младенческий период.

По третьему циклу. 1. Предполагается уделить серьезное внимание роли педагога в жизни дошкольного учреждения.

2. Намечена критика различных систем Детского сада.

3. Будут обсуждаться новости иностранной литературы.

4. Будет широко поставлена информационная часть в целях ознакомления с делом дошкольного воспитания широкого круга дошкольных работников, а именно, будут усиленно привлекаться сообщения с мест. Вместе с тем, комиссия поставит своей задачей достижение гласности своих работ посредством участия в с'ездах, журналах, музеях.

5. Комиссия предусматривает и систематическую подготовку работников в форме курсов, лекций, практикантства и т. п.

В настоящий момент, приступив к разработке вопроса об исследовании природы ребенка, в связи с окружающей его средой, комиссия высказывается за целесообразность об'единенной работы с отвечающими ее программе дошкольными учреждениями разного типа, о чем и доводит до сведения коллективов и отдельных работников.

Жизнь школы.

— **Сокращение штатов в школах Москвы и губернии**. Сокращение штатов почти не коснулось личного состава школ Москвы и губернии. В губернских школах сокращение количества школьных работников было бы совершенно нецелесообразно, так как до сего времени ощущалась значительная нехватка педагогов и только по этой причине в среднем 4 — 5 школ на уезд не работают с начала учебного года. Тем не менее, именно в уездах пришлось прибегнуть к частичной перегруппировке педагогических сил. Вызвано это: во 1) тем, что незначительное количество школ I ступени (в среднем 2—3 на уезд) пришлось закрыть за недостатком учащихся (менее 30 детей на каждую школу); 2) часть маломощных и заху-

далых школ II ступени пришлось или закрыть или преобразовать в школы I ступени с семилетним курсом. Закрыты только те школы II ступени, которые почти не имели квалифицированных школьных работников или имели слишком мало учащихся (30—40 учащихся на школу). Преобразованы в семилетние школы такие школы II ступени, которые по существу являлись таковыми и прежде, так как имели только первую и вторую группы. По имеющимся точным данным, в Броницком уезде осталось 4 жизнеспособных школы из 8, в Богородском—2 из 8, в Ленинском—1 из 2, в Можайском—1 из 2 и в Рузском—1 из 2. Не закрыто ни одной школы II ступени в уездах—Верейском (2 ш.), Волоколамском (10 ш.), Коломенском (4 шк.), Подольском (4 ш.) и Сергиевском (10 ш.). Учащиеся закрытых школ II ступени размещены по другим школам II ступени или заполнили собою 6 и 7 группы семилетних школ I ст. Школьные работники закрытых школ переведены в другие школы I и II ступ.

— **Прикрепление школ и детских домов к предприятиям и учреждениям.** Согласно инструкции М. Г. С. П. С. школьное отделение МОНО приступило к приписке школ и детских домов к фабрично-заводским предприятиям, учреждениям и профсоюзам. Передается в ведение приписавших учреждений вся хозяйственная часть школьных учреждений, педагогическое же руководство остается за МОНО и его органами. К широкому применению инструкции ведутся пока только подготовительные работы. Выясняется, сколько школ и детских домов и к каким предприятиям и учреждениям могут быть приписаны, выясняются условия прикрепления, подготовляются договоры и т. д. Частично прикрепление уже осуществлено в нескольких уездах Моск. губ. В Богородском уезде прикреплены к фабрике б. Богор.-Глуховской м-ры школьные учреждения Глухова, в Клинском у. Высоковские школы I и II ступ. приписаны к местной текстильной фабрике, в Орехово-Зуеве все школы города прикреплены к текстильным фабрикам, школы с. Боброва, Коломенского уезда, приписаны к Коломенскому вагоностроительному заводу.

— **Передача школьных учреждений органам Цектрана.** Школьное отделение МОНО на основании циркуляров, опубликованных в «Бюллетене Наркомпроса» №№ 56 и 58, приступило к передаче детских учреждений в ведение Культотделов учкпрофсожей и других органов Цектрана. Передаче органам Цектрана подлежат все бывшие железнодорожные школы, а также школы и детские учреждения, насчитывающие не менее 50 проц. детей железнодорожников. Из уездов и районов передаваемые детские учреждения переходят вполне, т.-е. ведение хозяйственной частью школ и непосредственное педагогическое руководство становится обязанностью Культотделов. Культотделы в административно-хозяйственном отношении находятся в подчинении органам Цектрана. В отношении педагогического руководства Культотделы находятся в двойном подчинении—высшим органам Цектрана и МОНО по отношению к которому они пользуются правами УОНО. Полного учета учреждений, подлежащих передаче, еще не произведено. По предположению школьного отделения будет передано до 100 детских учреждений.

— **С'езд учработников по школе.** На 15-е февраля с. г. школьным отделением МОНО созывается с'езд учработников, ведающих школами уездов и районов.

На повестке дня следующие вопросы:

1) О передаче школ органам Цектрана.

2) О прикреплении школ и детских домов к предприятиям и учреждениям.

3) О летней школе.

4) О проверке познаний учащихся.

5) О всероссийском с'езде школьных работников I ст.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

— **К началу 1921—22 учебного года в ведении Москпрофобра находилось** 273 профтехнических учебных заведения с 19,853 учащимися и 2,802 учащими. В том числе практич. институтов 7, с 2,962 учащимися и 367 учащими, техникумов 13, с 1,815 учащимися и 294 уч-х, проф.-техн. школ 86, с 6,561 уч-ся и 722 уч-х; долгосрочн. курсов 56, с 3,048 уч-ся и 454 уч-х, школ фаб.-зав. уч. 15, с 889 уч-ся и 126 уч-х, курсы для рабоч. 61, с 2,809 уч-ся и 620 уч-х, мастерских 4, с 203 уч-ся и 35 уч-х, студий 31, с 1,566 уч-ся и 184 уч-х.

— В течение ноября и декабря было проведено **сокращение штатов Москпрофобра.** Из 107 сотрудников (к 1 ноября) Москпрофобр сохранил 52 сотрудников.

— В виду снятия с довольствия с 1 декабря интернатов, Москпрофобр, временно, на один месяц, **выделил для интернатов 1,500 пайков,** позаимствовав их из 10.000 пайков, отпущенных Главпрофобром на профтехнические учебные заведения.

ПОЛИТ.-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

— Губернская Комиссия по ликвидации неграмотности организует **периодические совещания учителей ликпунктов и школ для малограмотных по методическим вопросам обучения.** Эти совещания привлекают все более и более широкие слои учителей. Последнее собрание было посвящено докладу тов. Елагина по программе курса для школ малограмотных «О жизни природы и человека». Ближайшие собрания будут посвящены разработке цикла бесед на темы «Какие народы живут в России и чем они промышляют» (беседы будут расположены по краеведческому принципу: Поволжье, Украина, промышленные центры и т. д.) и по циклу «Кто такие наши соседи, как они живут и работают». Эти беседы будут проводиться на об'единенных собраниях нескольких школ 1—2 раза в месяц. Докладчиками привлекаются наиболее подготовленные учителя.

Первый доклад на общем городском собрании учителей состоится 4 февраля на Тверской, 56. Будут указаны методы бесед и демонстрирована имеющаяся литература и наглядные пособия.

— Московский Губполитпросвет открывает **годичные курсы по подготовке полит.-просвет. работников (внешкольников)** Москвы и Московской губернии.

На курсы принимаются работники, делегируемые Уполитпросветами и Упарткомами, Райполитпросветами и Райкомами, в количестве от 4-х до 6-ти человек, и Культотделами Губпрофсоюзов в количестве от 3-х до 5-ти человек на каждый, имеющие не менее 2-хгодичного стажа в общественно-культурной работе, преимущественно коммунистов. Допускаются заявления отдельных лиц. Принимаются лица не моложе 18-ти лет, хорошо грамотные, по определению проверочной Комиссии.

Курсанты пользуются общежитием и столом и социальным обеспечением. Командировки и заявления принимаются в канцелярии курсов ежедневно до 25 февраля. Тверская, 56, с 10 до 4 час. дня.

— **Об-о друзей музея имени А. П. Чехова.** В понедельник, 30 января, в 7 ч. веч., в помещении Московского Художественного театра состоится учредительное собрание о-ва друзей музея имени А. П. Чехова. На повестке собрания следующие вопросы: 1) слово Вл. Ив. Немировича-Данченко; 2) слово Н. Е. Эфроса; 3) устав общества и обмен мнений о плане ближайшей деятельности общества; 4) выборы временного совета.

Юбилей Томаса Эдиссона.

11 февраля 1922 г. исполнится 75-летие со дня рождения гения-изобретателя, обогатившего человечество сотнями изобретений и усовершенствований в области техники—Томаса-Альвы Эдиссона, который и поныне работает на своем заводе изобретений у Оранжевых гор, в Америке, и обещает еще многое дать человечеству.

С чувством удовлетворения мы должны отметить распоряжение Главпрофобра об устройстве празднования юбилея Эдиссона по всем профессиональным школам Республики.

Школьные праздники, устраиваемые в честь замечательных людей, концентрируют внимание молодежи на образах, которые становятся для нее руководящей и вдохновляющей силой.

Эдиссон является в этом отношении благодарным образом для молодежи. Он сочетает в себе все черты для того, чтобы стать ее «героем».

Эдиссон, не кончивший из-за бедности даже начальной школы, и он же великий изобретатель, которому нужно было до конца знать выводы науки. Нобычайным упорством, настойчивостью и трудом он овладевает знаниями и получает возможность приложить свою великую мысль к грандиозным достижением в технике. Эдиссон является для молодежи, любящей борьбу и победы, жизненным примером упорного достижения поставленных целей. Но кроме того, Эдиссон близок молодежи и по характеру своей деятельности.

Есть в технике большое очарование для молодежи. Ибо, как сказал о ней один из соотечественников Эдиссона—Стенли Холл: «Почти всякий ремешек, пряжка в сложной упряжке, которую одевает наука на силы природы, чарует подростка». И Эдиссон—чаровник молодежи. С его именем связываются такие красивые изобретения, облегчающие и украшающие нашу жизнь, как фонограф, кинематограф, трамвай, электрическая лампочка, телеграф и телефон в современном их виде.

Готовясь к празднику, молодежь встанет ближе к трудам Эдиссона. В ней возникает желание углубиться в понимание законов науки и техники, появится желание овладеть знаниями.

Пожелаем, чтобы все работники просвещения живо откликнулись на мысль о праздестве юбилея гения—нашего современника, и чтобы все школы, не только профессиональные, но и общеобразовательные, отметили бы в 1922 году этот юбилей.

А. Родин.

Некрологи.

Памяти редакторов „Вестника Воспитания“.

(Ю. А. Бунин и Н. Ф. Михайлов).

Скончался в Берлине редактор «Вестника Воспитания» Ник. Фед. Михайлов, лишь на короткое время переживший Юл. Ал. Бунина (ум. в мае 1921 г. в Москве), до конца существования журнала делившего с Н. Ф. редакторские обязанности.

Оба были общественниками в лучшем смысле слова. К журнальной работе подошли они разными путями: Н. Ф. от земской и городской работы, от врачебно-санитарного дела; Юл. Ал.,—от земской статистики, которую организовал в Полтавской губ. Отличный математик, вдумчивый мыслитель, он не нашел возможным отдаться науке, потому, что с юных лет его захватила революционная работа.

Оба обладали способностью об'единять вокруг себя людей, сплачивая их для общей работы, и редакционная работа велась ими при помощи коллектива. Отдавшись журналу, Ник. Фед. не порывал своей связи с земской работой, где главное внимание, отдавал вопросам народного просвещения и народного здравия; Юлию Алексеевичу особенно близка была литературная Москва: он был видным членом о-ва деятелей периодической печати и литературы, моск. литер.-художественного кружка и литературного кружка «Среда».

Оба были одинаково простыми, цельными и сердечными людьми. Оба были людьми, видевшими в служении народному благу дело своей жизни, и делали они это дело с настойчивой последовательностью, подчиняя всю свою личную жизнь определенным принципам.

Н. Ф. принял на себя редактирование журнала «Вестник Воспитания»,—после смерти его основателя д-ра Е. А. Покровского—в октябре 1895 г. Первое время ему помогал Ив. Ив. Скворцов (Степанов), затем мой покойный брат Е. Д. Синицкий, а с августа 1897 г. Юл. Ал. Бунин. При новой редакции, журнал стал Вестником не индивидуального, как раньше, а социального воспитания. (Если не ошибаюсь, в русской журналистике термин этот был пущен в обиход именно «Вестником Воспитания»). Редакция старалась в особенности выяснить те здоровые условия, при которых может итти правильно дело воспитания, и те воспитательные воздействия, которые могут улучшить общественную жизнь. Редакция считала нужным содействовать воспитанию воспитателей и вообще взрослых людей, помогая им выработать определенное миросозерцание и миропонимание.

Поэтому на-ряду с педагогическими вопросами широкое место было отведено вопросам научно-философским.

В области педагогики журнал был сторонником идей экспериментальной педагогики. Все новые течения—«свободное воспитание», трудовой и общественный принцип, гражданское воспитание, половое воспитание, совместное воспитание, «новые школы»,—подвергались глубокому и всестороннему обсуждению. Вопросы внешкольного, дошкольного и школьного воспитания, кризис среднего образования, необходимая реформа его вообще, постановки отдельных предметов, проведение принципа единой школы,

вопросы начального и высшего, общего и профессионального образования—постоянно трактовались и в особых статьях, и в «хронике», которая велась с особой разносторонностью и обстоятельностью.

Журнал об'единил вокруг себя ряд лучших педагогических и литературных сил. Здесь были напечатаны статьи, из которых сложились известные книги «Американская школа» Ек. Янжул. и «Из итогов русской художественной литературы» Д. Н. Овсянникова-Куликовского. Здесь начинали свою литературную деятельность Юл. Ис. Айхенвальд и мн. др., а на-ряду с молодыми работали и заслуженные старики, как Н. М. Златовратский. Всех умела притянуть и об'единить редакция, всех умела воодушевить для совместной бодрой работы. А это особенно важно было в то тяжелое время, когда приходилось жить в тисках тяжелой цензуры.

Перо опускалось, когда вычеркивалось даже скромное замечание, что популярность учебников Иловайского не соответствует их истинным достоинствам, когда вместо Маркса приходилось говорить «известный немецкий экономист», когда в статье Овсянникова-Куликовского цензура заменяла слова «земский деятель» (в применении к Литвинову из «Дыма») словами «общественный деятель». Нужны были, особая твердость и уменье, чтобы при таких условиях не опустить поднятого редакцией знамени, на котором были написаны слова «воспитание и образование на основании научной педагогики в духе общественности, демократизма и свободного развития личности». Но редакции удалось это сделать, что с особой отрадой отмечалось всеми в день 25-летнего юбилея редакции (в январе 1915 г.). И всеми отмечалось то, как делалась эта работа. «Работе в журнале (пришлось сказать мне во вступительном слове) редакция отдавалась, как делу жизни. Не легкую у нас задачу издания специального журнала с общественным направлением, требующую большого напряжения и материальных, и моральных сил, редакция несла легко и бодро, неустанно призывая вперед и ввысь. Большое и хорошее дело она выполняла скромно и просто, как долг, добровольно принятый на себя, подлежащий доведению до конца».

Нет обоих редакторов. Нет и журнала. Но всегда дорогими останутся в памяти друзей образы ушедших.

Прощаясь с ними, хочется обоим сказать то, что сказала Юл. Ал. Бунину Ада Чумаченко в день юбилея редакции:

Мы верим, мы идем, мы движемся во мраке,
Но будь благословен и каждый стойкий шаг,
И каждый бодрый зов, как путевые знаки.
И помним сердцем мы—твой долгий трудный путь,
И нежную любовь к земле своей—отчизне,
И голос твой простой, и в рность светлой жизни...
Благословенным будь!

Л. Синицкий.

Проф. Н. А. Янчук.

Не стало еще одного ученого. Советская Россия, бедная знанием, полуграмотная, постепенно теряет умственные силы. Восстановить их трудно и тяжело. Они накапливаются десятками лет. К числу таких трудно восстанавливаемых сил относится скончавшийся 5-го декабря профессор, Николай Андреевич Янчук.

Родился он в 1859 году в Белоруссии, окончил университет в Москве и, заняв скромное место учителя русского языка в московских средних учебных заведениях, поступил молодым человеком в Дашковский Румянцовский музей сначала в качестве помощника видного ученого и своего учителя проф. В. Ф. Миллера, а затем вскоре и хранителя музея.

С жаром и увлечением, свойственным молодости, принялся Николай Андреевич за музейную работу. Он привел имевшиеся собрания в порядок, извлек из подвалов и складов хранившиеся неразобранными этнографические материалы, выставил их для обозрения публики, увеличив музейную площадь надстройкой внутри здания.

Личными душевными качествами и тактом он приобрел большое количество разных музейных предметов, ввиде пожертвований отдельных вещей и целых громадных коллекций, как, напр., Кауфманская коллекция средне-азиатских народов, алеутская коллекция Рябушинского.

Молодой Янчук с увлечением отдался изучению этнографии народов России и в обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, явился деятельным членом этнографического отдела, состоя в нем сначала, в качестве товарища председателя, а затем и бессменного до конца жизни председателя этого отдела. Им основан при отделе первый в России специальный этнографический журнал «Этнографическое Обозрение», который он редактировал в течение долгого времени, поместив также в нем ряд статей, заметок, справок, библиографий и т. п. Журнал этот является лучшим среди подобных ему сборников и в нем имеется богатый материал, главным образом, по фольклору.

Но что особенно близко было Николаю Андреевичу и чем он увлекался в народном творчестве—это музыкой. Его поистине можно назвать основателем планомерного собирания музыкального творчества народа: великорусского, малорусского, белорусского, грузинского, еврейского и других населяющих русское государство.

Он не только был собирателем, но и самым энергичным популяризатором песенного творчества и народной музыки. Николай Андреевич первый в России организовал строго научные публичные этнографические концерты, на которых выступали подлинные народные певцы и музыканты на своих национальных инструментах. Эти концерты пользовались громадным успехом, пробуждая в представителях разнообразных племен интерес к собиранию родной песни и музыки, а в профессионалах певцах, музыкантах и композиторах интерес к настоящей народной песне.

Заинтересовывая широкие массы родным музыкальным творчеством, Николай Андреевич шел навстречу всем, желавшим собирать или распространять его. Под его руководством и редакторством изданы музыкальной этнографической комиссией прекрасные школьные сборники народной песни и программы по собиранию песен и других этнографических материалов.

Научные труды его обширны; ряд статей в специальных журналах и сборниках и отдельные издания составили бы довольно длинный список. Но он не замыкался в узкой специальности, а знакомил широкую публику в общей прессе с нуждами вверенного ему музея и успехами по собиранию любимой им народной музыки. Так в «Русских Ведомостях» в 1901 г. была помещена его статья: «К изучению народной музыки», а в 1908 г.—«Этнография в Румянцевском музее и ее надежды».

Интересуясь творчеством народа разных племен и национальностей Николай Андреевич был в этом отношении интернационалистом в лучшем смысле этого слова, а любя свой родной народ белоруссов и, сделавшийся для него тоже родным народом, через женитьбу на малороссиянке, малороссов—он был благородным националистом и верным сыном своей родины. Последнее качество при царизме ставилось ему в вину и Николай Андреевич Янчук слыл у тогдашней администрации за сепаратиста.

Им написано большое количество на малорусском и белорусском языке народных драм, комедий, рассказов, в которых введены колядки и разные обрядовые песни.

Заветная мечта Николая Андреевича видеть у своего народа—белоруссов высшее ученое заведение—университет, осуществилась. Он с радостью отправился в Минск на открытие и, приехав оттуда веселый и довольный, с увлечением, точно помолодев на несколько лет, рассказывал, как хорошо и торжественно прошло открытие храма науки, с каким удовольствием он читал первые лекции на родном языке, как был захвачен весь город этим крупным культурным событием в жизни края.

Первого декабря Николай Андреевич должен был ехать опять в Минск на десять дней читать лекции, но, судьба готовила печальную развязку. Непосильная работа по добыванию пропитания себе и своей семье, и тяжелые моральные условия работы последних месяцев, свели в могилу полного сил и еще бодрого Николая Андреевича Янчука.

Пустая простуда, высокая температура и... измученное сердце не вынесло борьбы организма с болезнью и перестало биться.

Смерть Николая Андреевича, горько отозвавшаяся среди знавших его, является большой утратой для Минского Университета, для русской этнографии, для друзей народа по собиранию музыкального творчества и для Румянцевского музея, ибо в лице его он теряет кропотливого собирателя и действительного хранителя собранных богатств.

Ф. К.

В. Н. Лихарев.

В декабре скончался председатель популярной секции московского о-ва любителей астрономии, член Р. К. П., Василий Никандрович Лихарев. Пуля прервала его молодую жизнь (ему было всего лишь 24 года) в самый разгар работы. Он умер в промежутке между двумя лекциями, устроенными им для рабочих. Василий Никандрович был химик по образованию. Работая в области спектрального анализа, он столкнулся с астрономией и, как многие другие, увлекся ею. Он пришел в московское о-во любит. астрономии, пришел в тяжелое для последнего время, ища там поддержки охватившей его жажде знания. Не оставаясь равнодушным зрителем разрушения научного об-ва, он с первых же дней пришел ему на помощь, и в значительной степени Василию Никандровичу обязаны московские астрономы сохранением своего об'единения. Немного погодя он входит в правление о-ва с предложением вынести работы из четырех стен, окунуться в самую толщу рабочих масс. Предложение Василия Никандровича принимается и под его руководством организуется секция популярной астрономии. Но работа идет параллельно работе астрономической комиссии МОНО. Руководители обоих организаций решаются координировать свою деятельность, и вот Василий Никандрович входит в астрономическую комиссию, как представитель секции, принимая живое участие во всех работах. Дело быстро развивается, читаются десятки лекций, устраиваются экскурсии на обсерватории, поездки с астрономическими трубами для наблюдения неба, так, например, к дровосекам, работавшим в лесу под Москвой. Деятельность все расширяется. Издание московского астрономического журнала, издание астрономического календаря на 1922 г., серии популярных брошюр, постройка первой в России специальной солнечной обсерватории,—вот работы покойного в последнее время. Наше дело—это продолжить, не дать им заглохнуть, чтобы почтить достойным образом память В. Н. Лихарева.

А. Волохов.

М. Н. Морозов.

17 декабря скончался от воспаления легких учитель Арнольдо-Третьяковского института глухонемых Михаил Николаевич Морозов, работавший в этом учреждении почти 35 лет. Среди воспитанников и сослуживцев покойный пользовался любовью и уважением.

Библиография.

«Педагогическая Мысль». Общепедагогический журнал под общей редакцией И. С. Симонова. №№ 1—4, 5—8, 9—12. 1921 г. (Петроград).

В течение четвертого года своего существования редакции «Педагогической Мысли» удалось выпустить 3 книжки по 9 печатных листов каждая. Для нашего времени и это большая заслуга!

Содержание журнала за минувший год довольно разнообразно. Очень благоприятное впечатление производят попытки редакции дать возможно полный обзор нашей, хотя и бедной, но все-таки еще живущей, педагогической литературы. Старательно представлен отдел педагогической хроники с обстоятельными отчетами о педагогических с'ездах и конференциях, а также о деятельности педагогических обществ и других учреждений.

Из статей общего характера обращают на себя внимание статьи П. Ф. Каптерева «О школьном самоуправлении и школьной дисциплине», его же «Педагогика и Политика», И. М. Гревса «Два педагогических идеала» (где ставится вопрос об отношении общего и технического образования), В. С. Гобо «Гуманитарные и в частности литературные экскурсии», А. Г. Ярошевского «Школьные историко-литературные экскурсии», Н. А. Саввина «Очерки детской литературы» (зоологическая беллетристика) и Л. Я. Якобзона «Онанизм с современной точки зрения и меры борьбы с ним». Каждая из этих статей могла бы успешно послужить предметом обсуждения в любом педагогическом кружке или даже школьной коллегии.

А. Нечаев.

Наука и ее работники, №№ 1—4 за 1921 год.

По заданиям редакции, журнал, издаваемый комиссией по улучшению быта ученых в Петрограде, «должен быть голосом всей ученой корпорации». В журнале установлены следующие постоянные отделы: статьи; деятельность научных учреждений Петрограда и Москвы; из научной жизни провинции; научная хроника и библиография; «Дом Ученых»; Personalia; почтовый ящик. Редакционная коллегия состоит из А. Горького, А. Пинкевича, С. Ольденбурга и А. Ферсмана.

В первых четырех книжках помещены, кроме постоянных отделов, статьи: Пути научного творчества, А. Ферсмана. Наука и ученые в Сибири, Я. Эдельштейна. Из истории «Дома ученых», Н. Яхонтова. Государственные музеи, С. Ольденбурга. Исследование наших северных богатств, М. Жданко. Наука в искусстве, К. Петрова-Водкина. Деятельность провинциальных научных организаций, Н. Сума. Роль научных исследований в промышленной жизни страны, В. Ипатьева. Успехи воздухоплавания, И. Белопольского. О научной работе в Крыму, В. Вернадского. Архивное строительство,

А. Николаева. Об исследовательской деятельности в керамике, Н. Качалова. Новые открытия в области древне-русской живописи, Н. Сычева.

Как видно из этого перечня, журнал носит пока несколько односторонний характер, и такие важные отрасли научной жизни, как математика и естественные науки, не находят в нем почти никакого отражения. Такой же односторонний характер носят и постоянные отделы журнала. Кроме того, по составу своих литературных сил, журнал является, собственно, органом петроградского ученого мира, московские же научные силы в нем почти не участвуют.

Само собой разумеется, однако, что отмеченные односторонности не представляя собою чего-либо органического, без сомнения, будут исправлены при дальнейшей работе журнала. По общему же своему характеру и по своим заданиям журнал, безусловно, заслуживает самого горячего сочувствия. Следует пожелать, чтобы он возможно скорее был развернут в центральный орган нашей научной мысли, с возможно большей полнотой, отражающий в себе все научные отрасли и обслуживаемый всеми научными силами республики. В первую очередь необходимо привлечь к организованному участию в журнале московских ученых.

Но и в настоящем своем виде журнал дает много ценного материала. Следить за ним необходимо каждому интересующемуся развитием научной мысли. Журнал должен быть в каждой центральной, уездной и городской библиотеке.

Отметим, что в № 3 помещен список скончавшихся за последние 3 года научных работников, занимающий 9 столбцов; далеко не для всех скончавшихся, указаны причины смерти, но тем более зловеще звучат краткие отметки: скончался, «в ужасной обстановке» (М. Вильев); «общее истощение организма» (И. А. Дьяконов); «скончался от истощения» (М Я. Капустин); «заболел от плохого питания» А. С. Лаппо-Данилевский); покончил с собой, «не выдержав тяжелых условий современной жизни» (А. М. Ляпунов); «покончил с собою» (В. М. Хвостов)...

К № 4 приложен обширный «Предварительный список ученых учреждений, высших учебных заведений, музеев, обсерваторий, библиотек и пр., находящихся в Петербурге и его окрестностях».

В. Чарнолуский.

В. Невский. Культура повседневной жизни. Костромской губернский практикум по внешкольному образованию. Вып. V. Изд. Костромского отделения Госиздательства. Кострома. 1921. 100 стр. 8°. Ц. 200 р.

Издание заключает следующие 9 глав: Наши жилища. Искусство повседневного быта. Домашнее воспитание детей. Наши болезни. Наши города. Гигиена труда. Наша бытовая мораль. Методы работы в области культуры повседневного быта. Программа2-месячных курсов «Культура быта».

Автор исходит из совершенно правильной мысли, что «в высшей степени своевременно организовать... борьбу за культуру повседневной жизни, борьбу за то, чтобы все члены... общества изо дня в день жили здоровой, красивой и разумной жизнью». При этом проблема эта ставится в рамках задач «внешкольного образования», т.-е. широко понимаемых задач образования взрослых. Однако, практическое развитие исходной точки зрения автора в сильной степени страдает от расплывчатости изложения и отсутствия в нем четкого, строго выдержанного плана. Оно переполнено фактами и соображениями, относящимися не столько к избранной теме, сколько к области личной и социальной гигиены, охраны материнства и труда, городского и сельского строительства и т. д. В то же время недостаточно освещены как раз те стороны вопроса, которые непосредственно относятся к основной теме. Нельзя не отметить также проявляющегося у автора наклона к «бюрократизации» вопроса: более, чем сомнительна целесообразность пропагандируемого им немедленного же, шаблонного учреждения при уездных отделах народного образования особых секций «со своим штатом работников - организаторов и работников - специалистов». Пора, как будто бы, приостановить, наконец, безудержный рост и без того уже бесчисленных «отделов», «подотделов», «секций» и т. д. с соответствующими бюрократическими «штатами». Пора переходить к новым, более жизненным и более экономным методам культурно-просветительной работы.

Несмотря на отмеченные дефекты, издание представляет несомненный интерес и заслуживает серьезного внимания всех работников народного образования, особенно в виду крайней скудости литературы по этому вопросу.

В. Чарнолуский.

Свободное трудовое воспитание. Сборник статей, под редакцией Н. К. Лебедева. Книгоиздательство «Голос Труда». Петербург—Москва. 1921. 138 стр. 16°.

В сборнике помещены статьи и доклады: Н. Критская—На грани двух миров. Н. Лебедев—Синдикализм и воспитание. А. Тьерри—Школа и революция. Л. Клеман—О воспитании детей в рабочей среде. Доклады Лориентской и Анжерской бирж труда о синдикальных школах и организации начального образования. Ф. Домела-Ньювенгуис. Основные принципы воспитания. Первый опыт организации трудовой школы и ее творец П. Робен. П. Робен. Интегральное воспитание.

Освещение принципов и организации воспитания с точки зрения синдикализма. Несмотря на неоднократное повторение одних и тех же мыслей в различных статьях, сборник представляет несомненный интерес. Особенного внимания работников просвещения заслуживают мало у нас известные данные о выдающемся опыте трудовой интегральной школы П. Робена. Перу последнего принадлежит лучшая статья сборника—небольшое, но полное глубокого содержания произведение.

В. Чарнолуский.

М. Муратов. О самообразовании. Дмитров. 1921. 59 стр. 8°.

Содержательная, популярно написанная книжка, освещающая ряд главнейших вопросов, связанных с самообразованием, чтением и выбором книг. Вполне достаточна для первоначальной общей ориентировки в этих вопросах.

В. Чарнолуский.

Отто Рюле: Новый детский мир.
Коммунистическая программа школы и воспитания. 1920. 24 стр. Берлин.

(Otto Rülle: Neucs Kinderland. Ein Kommunistiches Schul-und Erziehungs-programm.)

Наше время Отто Рюле признает за возврат к прежним заветами доисторического коммунизма (ur. kommunismus). Новое обобществление труда должно создать и новую систему воспитания. В коллективе дети являются общими детьми и их воспитание должно быть коллективным. Но так как высшей целью социалистического хозяйства является повышение производительности труда, то *главной и важнейшей задачей коммунистического воспитания должно быть включение детей в общественно-трудовые процессы.* С 7 или 8-летнего возраста после того, как дети вышли из-под попечения яслей и детских садов,—они становятся участниками какого-либо производства.

Каждое производство должно стать школой; в каждом производстве, в каждой «школьной общине» должно выделиться предприятие, которое должно быть поставлено образцово с технической и педагогической стороны. То, что у нас теперь называется школой, должно стать хозяйственным предприятием (*Wirtschafts betrieb*), в котором продуктивная работа является средством воспитания.

Время работы распределяется в зависимости от возраста: дети от 8—12 лет работают ¼ нормального рабочего времени, от 12—16—½ рабочего времени, от 16—18—¾, к 18 годам может быть приурочено началю нормальной работы.

Наклонностям и врожденным способностям детей должна быть предоставлена, конечно, полная свобода. Дети выбирают то занятие, которое им наиболее по душе. Дисциплина должна стать результатом самовоспитания и единственным средством борьбы с леностью и нерадением должен быть выборный суд (*Betriebs geridtshof*).

Дети могут, по желанию, пройти несколько производств, так же как они могут, по желанию, заниматься *в разных циклах или курсах*, на которых всем желающим преподаются циклы предметов—математика, естествознание, языки и т. д. Свободное время дети проводят в Детских домах (*Tagesheime*) с полным оборудованием для отдыха, спорта, игр и т. д.

Главной трудностью такого воспитания является, несомненно, недостаток подготовленных преподавателей, но основная идея такого воспитания предполагает, что воспитателем и педагогом будет, каждый образцовый труженик-рабочий (*Vorbildlicher Arbeiter*), будь то крестьянин, садовник, художник, техник или ремесленник.

Главное старание должно заключаться в том, чтобы из среды самих рабочих и непосредственно в самих производствах выделялись люди, готовые стать учителями (*Lehrarbeiter*).

Высшим органом управления новых школ—как частью отдельных производств являются Советы рабочих. Так как средством воспитания является труд, а производства становятся школами воспитания — Советы производств становятся также Педагогическими Советами (*Erziehungsräte*), а распорядок работы становится распорядком школы и обучения.

Вне отдельных производств преподаватели об'единяются в Советы по специальностям (*Fochschulräte*). Об'единяющим органом всего дела воспитания может стать «Совет школьной общины», состоящий из представителей рабочих, учителей и учащихся (с известного возраста), но высшей инстанцией по основным вопросам воспитания остаются Советы и С'езды Советов.

В такой организации наиболее полно может выявиться высший идеал человечества, возникший на признании вечных производительных сил человеческого труда.

Е. В.

«СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТСКИЙ САД».

его значение и оборудование. Составили: М. Я. Морозова, Е. И. Тихеева и Л. И. Чулицкая - Тихеева. 3-е изд. 208 стр. Госуд. Издат. Пгр. 1920 г.

Третье издание книги известных авторов отличается от первых двух весьма незначительными изменениями в тексте, но дополнено прекрасной статьей Л. И. Чулицкой-Тихеевой: «Гигиена Детского Сада». В отделе практических сведений для работников по дошкольному воспитанию сделаны те изменения и дополнения, которых потребовали современные установления Наркомпроса.

Книга ценная и нужная каждому работнику в области дошкольного воспитания. Она рисует ту постановку детского сада, которая требуется современным уровнем наук о воспитании; она дает тот идеал, к которому должен стремиться каждый организатор детского сада и каждый работник в нем.

Авторы подробно разбирают и внешнюю обстановку детского сада и методы педагогической работы в нем: воспитание физическое, интеллектуальное и эстетическое; постановка занятий, игр, экскурсий, трудовых процессов и пр. и пр.,—решительно ни одна область этой раоты не оставлена без внимания.

К сожалению, книжка страдает некоторой теоретичностью: утверждения авторов не всегда достаточно обоснованы, не подкреплены конкретными фактами и носят,—если можно так выразиться,—рецептурный характер.

Не ясен взгляд авторов на метод «свободного воспитания», хотя и чувствуется отрицательное отношение к нему.

«Современных» условий детского сада—авторы совершенно не касаются.

М. С.

П. В. Албычев. Счет. Популярная арифметика. Издание Центр. Комитета Всеросс. Професс. союза раб. и служащих железнодорожного транспорта. Москва. 1919 г. Стр. 87.

Арифметика не есть счет, и никто из серьезных математиков и методистов не смешивал этих различных понятий.

Заботясь об определении действий, составитель дает определение даже сложению в той логически несообразной форме, которая принята в ходячих учебниках арифметики, а действию умножения не дает определения, хотя оно и поддается логическому определению.

Автор не различает множимого от множителя, называя их одним общим именем «множители или сомножители» (стр. 20), что не дает возможности сделать ясного отличия двух видов деления—деления на части и деления-измерения (или, как неудачно выражаются, деления «по содержанию»).

Учение о возвышении в степень излагается в отделе об умножении, при чем в дальнейшем, напр., при разложении на простые множители, оно не применяется.

В отделе о делении целых чисел рекомендуется неестественный способ (многописание и привязанность к цифре) расположения записи при делении многозначного числа на однозначное (стр. 26). В том же отделе не верно формулировано изменение частного в зависимости от изменения делителя (стр. 28).

Говоря в отделе о делении о приближенных вычислениях, автор приводит пример на приближенное вычисление с действием умножения, между тем естественнее было бы говорить о приближенном делении (стр. 30).

Действия над составными именованными числами выделены в особый отдел, между тем нет никакого ни логического, ни методического основания для такого выделения.

Встречаются примеры и задачи со *многосоставными* именнованными числами, единогласно осужденные всеми лучшими методистами (стр. 42 и др.).

На стр. 41 и 42 приводится не принятое и неудачное сокращенное обозначение метрических мер.

На стр. 41 и 45 *простые* числа отождествляются с *отвлеченными* числами.

На стр. 44 неверное вычисление примера на деление составного именованного числа на отвлеченное.

На стр. 45 неудачное расположение записи на деление составных именованных чисел: громоздко, не соблюдена «экономия места и времени».

На стр. 45 неточное выражение: «знание дробей так же необходимо, как и знание четырех действий арифметики».

На стр. 47 недостаточно отчетливо и ясно разработаны признаки делимости чисел.

Недостаточно обстоятельно сказано о разложении чисел на простые множители, напр., не указан более легкий способ, основанный на таблице умножения, или, выражаясь точнее языком немецкой методической литературы, на малой таблице умножения (стр. 48).

На стр. 54 громоздко расположение записи на сложение простых дробей.

Если можно помириться с прохождением умножения целых чисел ранее вычитания целых чисел, то нельзя согласиться с изложением умножения дробей (умножения на дробь) раньше вычитания дробей, ибо последнее легче первого.

Недостаточно уделено внимания нахождению части числа и числа по части, между тем первое облегчает усвоение умножения на дробь, а последнее усвоение деления на дробь.

Можно было бы опустить учение об арифметическом отношении и об арифметической пропорции, ибо это учение не имеет ни теоретического, ни практического значения.

Нет нужды решать задачи на проценты способом пропорций; легче в дидактическом отношении лучше решать их способом приведения к единице, между тем способ этот изложен не достаточно ясно.

Автор нигде не говорит о пропорциональных величинах, между тем это учение имеет весьма важное значение в математике.

Таковы математические, дидактические и методические недостатки рассматриваемой книжки.

Но в ней, еще есть грубые опечатки; для примера достаточно сослаться на формулировку одного из свойств геометрической пропорции (стр. 63, § 3). Мы уже не говорим о *массе* опечаток (на каждой странице по нескольку), касающихся знаков препинания и вообще русской орфографии.

Если к этому добавить плохую печать (см., напр., стр. 50, 51), то пользование этой книгой едва ли может быть плодотворным, а особенно для малограмотных взрослых, для каковых и предназначается эта книга.

Правда, есть в книге и положительные стороны, как, напр., исторический элемент в изложении курса арифметики, а также жизненный характер задач, хотя не везде и не всегда.

Но эти достоинства не покрывают перечисленных недостатков книги, а потому мы и воздерживаемся от рекомендации ее.

Д. В—ский.

Редактор **И. М. Диомидов.**

(Р. В. Ц. Москва) № 798. Тир. 6.000 экз.

16 типография М. С. Н. Х., Трехпрудный 9.

Цена 40.000 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1922